

Ирза

Цун ЭР
(Кыргызстан)

ЗЕЛЕНый ВИХРЬ, ЖЕЛТАЯ БУРЯ

Роман

Продолжение. Начало в № 9, 10, 2025.

Глава девятая

* * *

Март 1871 года. Окрестности города Ланьчжоу

В штабной палатке дунганских повстанцев, неподалеку от города-крепости Ланьчжоу, тишину нарушал негромкий голос старшего канонир-испытателя компании Крупп, обер-лейтенанта от артиллерии Прусской Императорской армии Лотара Ланкова. Ахун Ма Щинло, Зеленый Вихрь, командиры батальонов и затихший в углу Тун Бао продолжали внимательно вслушиваться в слова чужеземца, произносимые с необычным, но вполне понятным акцентом. Неожиданно раздался резкий, с примесью раздражения голос командира второго батальона по прозвищу Шестипалый:

– Братья, какого шайтана мы время теряем? Мне дедушка тоже разные сказки на ночь рассказывал.

– Верно... Нам думать надо, как через заставу прорваться... Времени-то в обрез... – стали раздаваться голоса других командиров.

– А с ним что делать? – кивнул головой на замолкшего Лотара Зеленый Вихрь.

– Как что? Голову отрезать и шакалам скормить, – недолго думая выпалил командир пушкарей Хасанза Громовержец.

– Кто еще так думает? – обвел взглядом боевых товарищей Зеленый Вихрь. На ноги поднялись несколько командиров.

– А что нам думать? Как с ахуном решите, так и будет, – произнес Шестипалый.

– Э-ээ... У меня тоже дел хватает. К молитве готовиться надо. Брат Эбду сам с ним разберётся, – ахун Ма Щинло потерял интерес к иностранцу и поднялся, потирая затекшие ноги. – А вот этого, – ахун ткнул пальцем в Тун Бао, – накормить и стеречь, как зеницу ока.

Командиры один за другим потянулись за ахуном к выходу. Лотар, сжав губы, уперся взглядом в носки своих сапог. «Надо же, какие крепкие. Если почистить да кремом набить... Во сколько же они мне, дай Бог памяти, обошлись?» Но цифры напрочь вылетели из головы. «Господи, какая ересь в голову лезет... Жизнь моя решается, а я о каких-то сапогах задумался... Черт-те что... Хотя чего удивляться? А что я в этой жизни сделал такого особенного? Ну, пусть не особенного, просто хорошего? Вот, сапоги отличные приобрел. За сколько? Э-эх, опять понесло меня не туда... Ну, давай, вспоминай добрые дела!.. А-аа, нечего. Обучал одних убивать других... Так. И всё?.. Господи, выходит, всё. Больше ничего. И на что же ты тогда надеешься, господин Лотар Ланков?»

* * *

1862 год. Год Черной собаки

С первыми нежными лучами солнца, коснувшимися заиндевелога поля ночной битвы, дунганские ополченцы разбрелись по сторонам, выискивая среди сотен окоченевших на темной земле тел своих погибших товарищей. Их бережно уносили на наспех сколоченных носилках к подводам и увозили к стенам деревенской мечети. Тела же убитых ханьских дружинников волоком стаскивали к реке и спихивали в мутные воды реки Вей. Некоторых тут же прибывало к отмелям, где они становились пиршеством для полчищ серых речных раков.

– Я насчитал пятьсот «восьмерок». А сколько еще в реке утопло! – торжественно проговорил Муса мерно покачивающемуся рядом в седле Эбду. Они возвращались в деревню.

– наших тоже немало полегло. После обеденного намаза хоронить будем, – ответил Эбду.

У стен мечети ровными рядами лежали завернутые в белые саваны тела погибших деревенских ополченцев. По законам ислама, тела усопших предаются земле в тот же день до захода солнца.

– Девяносто восемь... Из нашего отряда шесть, – медленно пройдя мимо них, прошептал Эбду и вошел через высокие яркие резные ворота во двор мечети.

Ритуал джаназа еще не начался, и кругом стоял людской гул. Слегка отдохнувшие ополченцы бурно обсуждали перипетии ночного сражения.

– А шлемы-то у них совсем никудышные. Разлетаются, как арбузы, – Кувалда размахивал руками, словно снова молотил по вражьиm головам.

– Это не шлемы, а головы у них такие, – заметил Яма-Кочка. – Вот я думаю, а если под шлемы ваты побольше напихать?..

– Что скажешь, поможет, Эбду? – с улыбками обратились ополченцы к присоединившемуся к ним Эбду. В их голосах чувствовались уважительные нотки, хотя большинству он в сыновья годился.

– Он в следующем бою на себе проверит, а потом расскажет, – ответил тот.

Раздавшийся смех донесся до прислонившегося к дверному косяку ахуна Ма Лихэра. Он совсем не чувствовал усталости. Внутри него всё ликовало. «Победа! И какая! Кто мог представить себе подобное?! А вон и герой стоит... Как хорошо, что я прислушался к нему. Не иначе, сам Всевышний прислал его мне, – подумал про себя ахун, всматриваясь в молодого, сильного Эбду. – Но надо держать этого молодца под контролем, иначе чаша славы быстро в его руках окажется. А мудрый вождь, ведущий народ на святое дело, благословенный джихад – это только я. Это моя судьба, мое предназначение! – пронеслось в голове ахуна. А затем резануло: – Э-ээ, так я что, выходит, одержим грехами гордыни и тщеславия? Нет, нет! Прочь, шайтан! Не вдуйай мне в уши свои пакостные мысли! Мы все вместе делаем одно великое дело. Мы воины Аллаха! Мы вместе идем по пути джихада, и не может быть между нами зависти и ревности. – Он испуганно одернул себя, словно кто-то мог подслушать мысли, и быстро огляделся по сторонам. – Всё. Пора идти джаназа проводить».

...Мелкий, слабый, неловкий Лихэр в детстве много страдал от своих крепких, грубых сверстников. Защиту от них он обнаружил совершенно случайно. Как-то раз, во время выпаса коров, бездельничающие товарищи решили в очередной раз повалять его на зеленом лугу. Он издали заметил их приближение и, усевшись на подмятые под себя ноги, принял вид погрузившегося в чтение Корана ученика. Он усердно шептал губами обрывки услышанных сур

и ритмично раскачивался, не обращая ни на кого никакого внимания. Краем глаза щуплый Лихэр заметил, как возле него почтительно замерли и затем тихонько отступили «мучители». «Ага! Сработало!» – екнуло в его маленьком сердечке. На следующий день он понесся в мечеть.

– Дядя, – схватил он за подол халата старого деревенского ахуна. – Можно я буду рядом с вами сидеть?

– Это еще зачем? – удивился ахун.

В ответ маленький Лихэр, склонив голову и уткнувшись в сложенные перед собой ладошки, громко прочитал часть суры. Ахуна поразил необычайно чистый и звонкий голос малыша.

– Оставайся, – решил судьбу малыша старый деревенский ахун.

Вскоре мальчик стал известен всей деревне, затем уезду, а затем и всей провинции. Не было чтецов Корана, равных ему. Когда он читал, взрослые люди не могли сдержаться слез.

Из малыша Лихэр превратился в юношу, закончил медресе в Сиани, отправился в Земли Кашгарии, где встречался с самыми разными богословами из Бухары, Хивы, Кабула, Багдада. Через несколько лет он вернулся назад в свои родные Небесные Тополя. Совсем одряхлевший к тому времени деревенский ахун с радостью встретил молодого Ма Лихэра и, с одобрения столичного имама, передал ему свое место.

К голосу Ма Лихэра, по-прежнему необычайно красивому, добавилось глубокое осознание каждого произносимого слова, и внемлющим ему казалось, что они пронзают их сердца божественным огнем и растекаются кипящей лавой по жилам. Сам Ма Лихэр давно осознал и принял свои способности как дар Всевышнего и понимал, что только великим усердием сможет отблагодарить и доказать свою любовь и преданность Аллаху, милостивому и милосердному.

К молодому ахуну тянулись люди со всей провинции. Особенно многолюдно становилось в дни больших пятничных молитв. Народ не умещался в стенах мечети, и даже в просторном дворе не всегда хватало места. Тогда, если позволяла погода, тысячи прихожан склонялись ниц прямо в открытом поле под завораживающий голос Ма Лихэра и легкий шелест тополиных листьев. «Вот она, власть над людскими душами, – глядя на распростертую у его ног толпу, подумал однажды про себя ахун. – Воистину, она слаще меда и страшнее опиума...»

...Во время ритуала джаназа Эбду и Ваншан молча с двух сторон прижались к отцу. Эбду было немного не по себе. Он впервые погрузил свои руки в чужую кровь, а его глаза увидели страшную пляску смерти. Ему казалось, он чувствует на собственных плечах тяжесть тел не только своих погибших соплеменников, но и врагов. Ведь все они были чьими-то отцами, братьями, сыновьями. Ему хотелось услышать слова оправдания, сочувствия, понимания всему этому. Он, как и большинство стоявших в тесных рядах сельчан, ощущал потребность в человеке, которому дано видеть далеко за горизонт, кому они могли бы доверить свою судьбу. И таким человеком им казался ахун Ма Лихэр.

– Однажды, – зазвучал голос ахуна, – в мечеть, где Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, совершал вместе с муминами намаз, вошел человек. Встав рядом, он произнес дуа: «Мой Аллах! Дай мне самое добродетельное из достоинств, которыми ты награждаешь своих благочестивых слуг!» Завершив намаз, наш Благородный Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, спросил: «Кто из вас последним произнес дуа?» – «Это был я, о Посланник Аллаха!» – ответил тот человек. «В таком случае конь твой падет, ты же примешь смерть за веру Аллаха!» – произнес Пророк Аллаха, да

благословит его Аллах и приветствует. И этот человек, – продолжал речь ахун Ма Лихэр, – а звали его Амир бин Аква, да будет доволен им Аллах, спустя короткое время пал смертью шахида в битве при Хайбаре. Наш Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, говорил: «Джихад на пути Аллаха и вера в Аллаха – это добродетельнейшее из всех деяний». Братья, на самом деле быть шахидом – это не значит умереть. – Раскрыв перед собой ладони, он распевно читал короткий отрывок из сур: – Не считай мертвыми тех, которые были убиты на пути Аллаха. Нет, они живы и получают удел у Господа своего, радуясь тому, что Аллах даровал им в Раю по милости своей...

В сердце Эбду защемило.

– Они радуются милости и щедрости Аллаха, тому, что Аллах не оставит верующих без награды, которую они заслужили.

Душа Эбду начала наполняться благостным теплом.

– Знаете ли вы, – звенел голос ахуна в переполненном дворе мечети, – что сказал Пророк милости, да благословит его Аллах и приветствует, о муках смерти шахидов. «Шахид испытывает во время смерти такую же боль, какую каждый из вас испытывает во время муравьиного укуса». А в день воскрешения из мертвых шахидов узнают по запаху мускуса, который источают их кровоточащие раны, словно они свежи. Люди будут свидетельствовать об их заслугах и славе. Поэтому благословенная кровь шахидов не смывается, а тела их не омывают водой.

На глаза Эбду навернулись слезы, в голове и груди ликовало: «Джихад! Хочу умереть смертью шахида! Я иду по пути Аллаха!» Он обернулся и посмотрел на отца и старшего брата. Их глаза были тоже полны слёз.

* * *

Март 1871 года. Лагерь повстанцев

В опустевшей штабной палатке друг против друга сидели лишь Зеленый Вихрь и Лотар Ланков. Рука дунганского командира крепко обхватывала рукоять меча, а жесткий, немигающий взгляд цепко, как в прицел, смотрел на выпрямившего голову Лотара. «Что заслужил, то и получу, – подумал про себя Лотар. – Этот одним махом снесет голову с плеч. И боли почувствовать не успеешь. А сопротивляться ему бесполезно. Видно, что воин».

– А я еще слушаю твой рассказ, – неожиданно произнес Зеленый Вихрь, убрав руку с меча.

– ...За все последующие три дня, проведенные в пути, – вновь начал свое повествование Лотар, – мне не удалось увидеть ни одной целой деревни, ни одного цветущего сада или плодородного поля. Разрушено и выжжено было всё, докуда только дотягивался человеческий глаз. Наконец мы добрались до учебно-боевого лагеря Хунаньской армии генерала Мао Хунлиня. Располагался он у южных, поросших зеленым лесом склонов Ляупанских гор. С холмов сбегала быстрая журчащая река. Её вода, вся в солнечных бликах, казалась мне хрустальной. После виденного до этого не побоюсь назвать то место райским. Здесь, помимо учебки для новобранцев, генерал оборудовал артиллерийский полигон, где китайские пушкарки осваивали наши крупновские полевые орудия типа С67.

По прибытию в лагерь генерал немедленно отправился на штабное совещание с командирами, а мне в это время представили армейского наставника по артиллерии, полковника Тан Луня. Высокий, тощий, с лимонно-матовым лицом и обвислыми, редкими усами, он держал в руке длинную деревянную трубку и, шуря на ярком солнечном свете узкие глаза, время от времени подносил её к губам, выпуская затем сквозь выпирающие вперёд желто-коричне-

вые зубы струи сизого дыма. Вялое рукопожатие, отсутствующий, апатичный ко всему взгляд и, главное, иссушенная кожа выдавали заядлого курильщика опиума. «Хорош наставник», – усмехнулся я про себя.

– Полковник Тан, ка-сы-па-тина Ла-нэ-го прибыл, чтобы разобраться в причинах плохих стрельб, – вежливо прояснил природу моего появления офицер Ван.

– В своем докладе генералу Мао я всё подробно сообщил. Заморские дьяволы ловко надули нас. За огромные деньги всучили нам никудышный товар. Пусть он забирает их назад. Мы повоюем и со своими пушками, – попыхивая трубкой и брезгливо покосившись в мою сторону, произнес в ответ полковник Тан Лунь.

– Несмотря ни на что, прошу оказывать ему помощь. Это приказ генерала Мао, – подчеркнул офицер Ван.

– Мне бы, в первую очередь, хотелось осмотреть техническое состояние орудий, – высказал я свое пожелание.

Полковник, услышав, что я понимаю и даже что-то говорю по-китайски, от изумления какое-то время не мог попасть концом курительной трубки в свой рот. Наконец ему удалось выпустить тонкую струю дыма, и только после этого, взобравшись на подведенных нам лошадях, мы отправились на полигон. Дорога туда вела через военно-учебный лагерь, больше напоминающий собой огромное деревенское поселение, где вместо фанз размещались грязные солдатские палатки. Возле каждой стоял очаг с закопченным котлом, в котором готовилась еда. А позади палаток были разбиты внушительных размеров огороды. На аккуратных грядках зеленели, желтели, краснели в обилии уродившиеся диковинные для меня овощи самых разных видов и размеров. Далее за ними виднелись огромные загоны для свиней, откуда доносилась непередаваемая словами вонь. К моему удивлению, в лагере я не обнаружил ни одного солдатского плаца для строевой подготовки, не говоря уже о марширующих на них новобранцах. «Как же они муштруют их?» А глянув на встречающихся по пути солдат, мелких и худосочных, как крестьянские подростки, совершенно без какой-либо воинской стати, да еще с тляками вместо оружия за плечами, мне невольно подумалось: «Ну, если и пушкарки у них такие же, то понятно, что никакие, даже самые распрекрасные орудия стрелять хорошо не будут».

Однако то, что привелось увидеть очень скоро, повергло меня в шок и ужас. Привыкшему к трепетному, бережному, можно сказать, священному отношению к оружию и боевой технике, мне предстало жуткое зрелище. «Боже, во что превратили они боевые орудия?!» Грязь, комья земли приросли к колесам, лафетам, механизмам наведения и диоптру. «Ничего, это можно и отмыть. А вот...» Соскочив с коня, я бросился к родным пушкам. То, о чем я подумал, подтвердилось в полной мере. Стволы, казенники и каморы были загублены. Раскаленная копоть пороховых газов, смешавшись с медными частицами снарядов, образовала стойко въевшийся в оружейную сталь нагар – убийцу стволов. Если вовремя, сразу после стрельб, его не убрать, то ствол можно смело списывать в утиль. Мне тут же вспомнилась эта муторная, утомительная процедура: банником с едким чистящим раствором туда-сюда, и не на всю глубину ствола сразу, а по чуть-чуть. Затем чистой ветошью, намотанной на тот же банник, требуется просушить ствол. И когда всё засверкает, как зеркало, прогоняют уже другой банник, со смазкой. После чего наступает очередь казенной части и каморы. И так необходимо делать, даже если из пушки не стреляют, а наступает время по регламенту.

– Извините меня, но вы что, после стрельб не чистите, не смазываете орудия? – удивленно и возмущенно одновременно спросил я наставника по артиллерии полковника Тан Луна.

– У меня служат опытные офицеры, и они прекрасно знают, когда и что делать, – сквозь струю дыма прозвучал невозмутимый ответ.

– А для чего вы обвязываете пушки? – указал я рукой на несуразные канаты, обвивавшие подобно лесным лианам стволы орудий.

– Хм-мм... А как же наводить прицел? – с неподдельным удивлением спросил меня полковник Тан.

Я замер в замешательстве, никак не вбирая в толк, что значат сие слова, окутанные очередным клубом сизого дыма.

– Хорошо, прошу провести учебные стрельбы. Мне важно знать уровень подготовки ваших канониров, – вежливо попросил я полковника, хотя про себя решил называть его не иначе, как «большим засранцем». Меня раздрало любопытство: «Как же они управляют с пушками?»

Вскоре я был поражен в очередной раз. Появившиеся у нескольких орудий пушкари в коротких синих куртках шумно принялись за дело. Пока одни тянули за канаты стволы, разворачивая их в стороны мишеней, другие быстро подбивали деревянные клинья под колеса орудий, выставляя на глазок высоту.

«Ах, вот, значит, как вы целитесь?!»

Один за другим лягнули затворы, и пушкари, обернувшись к «большому засранцу», застыли в ожидании команды.

– Стреляйте, стреляйте! – махнул рукой полковник, словно отмахиваясь от назойливых мух.

Прогрело несколько выстрелов, и с грохотом вырвавшиеся из жерл орудий снаряды закономерно разорвались где-то вдали от мишеней.

– Пожалуйста, любуйтесь! – с радостным выражением на лице воскликнул «большой засранец». – А это мои лучшие пушкари.

– Что вы на это скажете, господин заморский инструктор? – раздался сбоку голос генерала Мао.

– Я прибыл сюда именно для того, чтобы показать вам все способности нашего оружия. Прошу оставить вот этот расчет, – показал я рукой на стоящую у одной из пушек группу солдат. Дело было не в них, а в том, что я успел заметить: у этого орудия почти отсутствовал нагар на зарядном устройстве, и прицельные механизмы не были залеплены грязью.

Сколько же раз мне приходилось производить показательные стрельбы, чтобы удостоверить покупателей в точности и надежности немецкого оружия!

«О, да! Пушки Крупна лучшие в мире!» – обычно звучало на самых разных языках после того, как рассеивался пороховой дым.

И в этот раз всё произошло, как всегда, предсказуемо. Кроме одного. Чего, конечно же, я не ожидал и совсем не желал. Когда последние мишени разлетелись в клочья и окончательно рассеялся дым, генерал Мао вытянул вперед свою холеную руку. Указательный палец с длинным острым ногтем застыл напротив командующего армейской артиллерией.

– Жалкий изменник! Предатель! Ты пытался опорочить закупленное мною оружие. Выдавал его за непригодное. Теперь мы увидели, какое оно на самом деле. Арестовать подонка!

«Большого засранца» словно сразило молнией. Он застыл, трубка вывалилась из забившихся крупной дрожью рук, набежавшая стража мгновенно заломила их за спину и, ловко просунув под локти бамбуковую палку с грубой веревкой, стянула ее в крепкий узел, заставив полковника согнуться перед генералом в глубоком поклоне. Мне стало его неожиданно жаль, и я дал себе слово больше не обзывать его дурацким прозвищем.

– Я доверял, верил тебе. Сколько моих удальцов могли бы спасти эти пушки. Ты не достоин прощения...

В этот момент слова генерала прервал жалобный всхлип полковника:

– Господин генерал...

– Даже не открывай рот для своего оправдания, – жестко остановил его генерал Мао. – Одно я тебе обещаю. Тебя казнят как офицера. Всё! Увести!

На следующий день, к моему ужасу, его публично казнили. Перед выстроившимися поротно солдатами и офицерами полковника провезли в деревянной клетке, установленной на повозке. На ней, как мне объяснил офицер Ван Юлинь, висела табличка с описанием совершенного им преступления. Повозку сопровождали барабанщики и верховые с боевыми стягами различных цветов, укрепленными на длинных древках. Несчастного полковника выволокли из клетки и поднесли ему еду. Таков, оказывается, ритуал казни. На блюде лежали куски мяса и чаша с вином. Отказавшись от мяса, он поднял чашу с вином и одним махом выпил ее. Затем, оглядевшись по сторонам, обратился к офицеру, ведавшему всей церемонией, с какой-то просьбой, вызвавшей у последнего некоторое недоумение, которое, однако, быстро разрешилось. Офицер приказал принести курительную трубку и с легким поклоном передал её полковнику, держа в обеих вытянутых перед собой руках. Тем самым, по-видимому, исполнилась последняя воля смертника. Бывший командующий армейской артиллерией Тан Лунь сделал пару глубоких затажек и таким же вежливым способом вернул её назад. После этого раздался голос другого офицера, держащего в руках флажок белого цвета. Он громко зачитал обвинение и, закончив, обернулся к генералу, сидящему за столом, покрытым красным шелком. Генерал поднял такой же флажок, но желтого цвета, и три раза взмахнул им в воздухе. Два солдата подхватили осужденного за руки и подвели к палачу, в руках которого сверкал расширяющийся к концу внушительных размеров китайский меч. Полковник до самого последнего момента владел собой. Но, видимо, почувствовал, ощутил ледяное дыхание смерти, а может, она сама на мгновение явилась перед ним и обнажила свой неведомый никому лик. Он внезапно изменился в лице, его желтая кожа в одно мгновение обрела мертвенно-бледный цвет, ноги перестали держать тело, и он тяжело рухнул на землю, затем, словно получив заряд силы, стал ползать кругами, извиваться и всё громче, по-животному, стонать и завывать. Два солдата пытались схватить и поставить его на колени, но полковник, окончательно утративший контроль над собой, вырвался из рук и волчком елозил по грязной земле. На помощь двум солдатам подбежали более крепкие офицеры и, навалившись на ноги и руки, прижали несчастного к земле. Офицер, ведающий церемонией, приказал палачу казнить жертву в таком положении. Палач, видать, привыкший к подобным случаям, в два прыжка оказался у головы и, не дожидаясь, пока кто-либо откинёт в сторону длинную плетеную косу, нанес резкий рубящий удар. Острое лезвие легко отделило голову от тела и погрузилось в землю, громко звякнув о попавший под него камень. Палач, отступив на шаг в сторону от с шипением рванувшей вверх струи крови, быстро обтер меч белой ритуальной материей и стал озабоченно осматривать мелкий скол на лезвии. Лежащие на теле полковника офицеры с облегчением стали подыматься на ноги. Поругиваясь, они стряхивали приставшую землю, обтирались обшлагами своих халатов от крови и совсем не обращали внимания на еще бьющееся в конвульсиях тело их бывшего соратника и командира.

После казни меня отвели в палатку генерала, по размеру и убранству напоминающую небольшой дворец.

– Дорогой Лотар, – вежливо заговорил генерал Мао, – я не ошибся в выборе. Пушки Круппа лучшие в мире.

– Безмерно рад, что они оправдали ваши надежды, – склонив голову, согласился я с ним.

– Теперь для меня крайне важно, чтобы вы правильно, как полагается, в соответствии с вашей заморской наукой обучили моих пушкарей. Без этого просто нет смысла закупать ваши пушки. Надеюсь, вы понимаете меня. Для вас это не составит большого труда и не займет много времени, – обведя меня медленным сквозь прищуренные глаза взглядом, произнес генерал.

«Ага. Первоклашек обучить премудростям высшей математики. Сколько же времени уйдет на это? – на меня будто пролился поток ледяной воды. – А без обучения наша компания упустит столь выгодный заказ. Так. Разве не для этого послали меня в такую даль? Просто надо подналечь и уложиться в кратчайшие сроки».

– Хорошо. Это входит в мои обязанности, – согласился я вслух. – И я сделаю всё, что в моих силах.

– Прекрасно. С этого дня господин Лотар Ланков назначается армейским наставником по артиллерии и получает все соответствующие полномочия. Требую оказывать ему поддержку и оказывать почести, соответствующие рангу моего личного гостя, – громко объявил генерал. По палатке пронесся гул удивления, и в одно мгновение лица офицеров, до этого довольно враждебно поглядывавших на чужеземца, вдруг стали излучать тепло и радушие...

...В то самое время, когда Лотар в сопровождении нескольких офицеров покинул генеральскую дворец-палатку, чтобы расположиться в своих покоях, генерал Мао подозвал к себе верного адъютанта Ван Юлиня. Лицо генерала светилось тихой радостью.

– Само Небо послало его мне, – с нескрываемым удовлетворением произнес он, поглаживая свою бороду. – С этими пушками мы будем снова непобедимой, великой армией. Советник Сун и прочая нечисть в Пекине просто скиснут от зависти. Ха-ха-ха! – генерал не часто находился в таком добром настроении.

– Да. У них будут очень длинные лица, – поддержал генерала улыбающийся офицер Ван.

– Ха-ха-ха, – отсмеялся генерал, и его лицо приняло обычное жесткое выражение. – Теперь слушай меня внимательно. Наш гость задержится у меня надолго.

– На сколько?

– Возможно, навсегда.

На лице адъютанта мелькнула тень удивления.

– Он должен служить только мне. И никому больше. Понятно? – пояснил свою мысль генерал.

– Но как мы удержим его?

– Есть много способов.

– Господин генерал, признаюсь, я в таких делах не имею опыта. Ничего мне на ум не приходит.

– Мне приходилось общаться с чужеземными купцами, живущими в наших городах по многу лет. Из их рассказов я понял, что людей удержать на чужбине могут три вещи, к которым человек быстро привыкает: женщина, дом и опиум, – ответ генерала прозвучал быстро, словно он заранее подготовил его...

– ...К счастью, я имел опыт обучения новобранцев, – продолжал звучать в штабной палатке дунганских повстанцев голос Лотара. – Шесть месяцев упорного труда, и они превращались в штатных армейских канониров. Здесь же я поставил себе целью управиться за три месяца...

– А у нас за три дня, – неожиданно перебил его Зеленый Вихрь.

– Что? – переспросил его Лотар, словно вынырнувший из забвения.

– За три дня обучишь нашего Хасанзу Громовержца и его ребят, – тут же прозвучало в ответ. В уходящем свете короткого дня стало заметно, как на лице Зеленого Вихря задумчиво сдвинулись брови, а в его голове в тот момент промелькнуло: «Нет, неспроста Всевышний послал его нам».

– Извините, но мне кажется, я чего-то не понимаю, – в ровном голосе Лотара прозвучало недоумение.

– Дело в том, что у нас имеется одна ваша заморская пушка. В последнем бою прихватили. Хорошо, что не бросили. Уж шибко тяжелая она, – пояснил Зеленый Вихрь.

– И снаряды имеются?

– Два тяжелых ящика.

«Пушка – семьсот восемьдесят пять с половиной плюс два ящика с двенадцатью снарядами, еще сто двадцать. Итого: девятьсот пять с половиной килограмм», – сработало в мозгах Лотара.

– Всё вместе примерно восемнадцать даней, – он перевел вес в китайскую систему мер.

– Не меньше, – кивнул головой Зеленый Вихрь. – Так вот, обучишь наших пушкарей обращаться с ней, и я отпущу тебя.

– Могу я осмотреть оружие?

– Прямо сейчас?

– Да. У нас ведь мало времени.

– Ты прав. Пойдем.

Зеленому Вихрю понравилось, что чужеземный офицер сразу, не откладывая в долгий ящик, решил взяться за дело. Выйдя из палатки, он остановился, развернул за плечо Лотара.

– Только не вздумай бежать, – пристально глядя ему в лицо, жестко предупредил Зеленый Вихрь.

«От этих ребят далеко не убежишь. Будь что будет», – пронеслось в голове Лотара.

– Не убегу. Слово офицера, – твердо прозвучали его слова.

Артиллерия повстанцев располагалась на другом конце лагеря. Лотара поразили его размеры. «Сколько же здесь народу?» – озираясь по сторонам, удивился он про себя.

– Тысяч тридцать, – словно прочитав его мысли, произнес Зеленый Вихрь. – Большинство мирных, – добавил он.

Лагерь на самом деле совсем не напоминал собою военный походный стан с ровными рядами солдатских палаток, загонами для лошадей и скота, складскими навесами для боеприпасов, офицерскими шатрами. Вместо них люди здесь, как кроты, нарыли в сырой земле тесные землянки, перекрыли их бамбуковыми жердями, прикрыли кусками грубо выделанных войлочных кошм, а отдающие ледяным холодом лежбища внутри них застелили овечьими шкурами и толстыми засаленными ватными одеялами, места на которых тут же заняли запыхавшиеся от беготни детишки, в то время как их родители разводили под черными от сажи казанами огонь. Огни костров вспыхивали один за другим, и вместе с дымом растекалось по земле тепло, а по воздуху поплыли дразнящие голодные животы запахи готовящейся еды. И сразу повеяло чем-то мирным и домашним.

– От войны страдают в первую очередь мирные люди, – незаметно сглотив набежавшую во рту от голода слюну, проговорил Лотар.

– Ты воевал? – бросив на Лотара пронизывающий взгляд, спросил Зеленый Вихрь.

– Да. Это была короткая война. Два месяца и девять дней.

- А мы воюем девять лет. И конца не видно.
- Любая война рано или поздно заканчивается.
- Сладкой победой одних и горьким поражением других.
- Есть еще мир протянутых друг другу рук.
- Это исключается. Маньчжуры решили полностью истребить наш народ.

И пока они у власти, война не закончится. Но им нас не победить. Они про считались.

– В чем?

– Они хотят искоренить вместе с народом и веру. Но разве смертным дано возобладать над Высшим? Это как остановить ветер в степи или замедлить восход солнца.

– Вы защитники веры?

– Да. Мы ведем джихад меча.

«Что это? Действительно, фанатизм, о котором говорил генерал, или доведенное до крайности человеческое отчаяние?» – подумал про себя Лотар, вспомнив почему-то поле, усеянное человеческими черепами, в конце которого высились серебристые тополя необычной высоты.

– Но мне кажется, ваши силы не совсем равны.

– Всё равно им нас не одолеть. Всевышний на нашей стороне.

«Святая наивность. Кто устоит против пушек Круппа?» – вновь мелькнуло в голове Лотара.

– Без современного оружия вам долго не продержаться, – вслух произнес он.

– Нам негде взять его. Всё, что у нас есть, добыто у врага... А почему ты шагаешь в Кашгарию? – неожиданно сменил тему Зеленый Вихрь.

– Человек, освободивший меня из тюрьмы, сказал идти в Кульджу к русским.

– Русским?

– Они помогут мне, так он сказал.

– Интересно, – промолвил Зеленый Вихрь. – Ну, а за что все-таки ты решил убить Мао Хунлиня?

– Он законченный негодяй, мерзавец.

– Согласен. Так что же произошло между вами?.. Хотя, давай расскажешь позже.

– Да, так будет лучше.

Они молча зашагали дальше. По пути Лотар заметил, с каким уважением, едва завидев его попутчика, люди приглашали их к своим бедным очагам. Но Зеленый Вихрь с благодарностью отказывал им, иначе к месту назначения было бы совсем не добраться.

– Ну, вот мы и пришли, – остановившись на другом конце лагеря, громко произнес Зеленый Вихрь. К нему тут же подбежал часовой.

– Где наш Громовержец? – спросил с легкой улыбкой Зеленый Вихрь.

– Я на месте, – раздался голос с одной из телег. После чего с нее спрыгнул плотный, круглолицый дядька, закутанный в цветастое лоскутное одеяло. Увидев Лотара, он с изумлением произнёс: – Брат, а ты разве не отрезал ему голову?

– Как видишь, нет.

– И зачем он здесь? – осторожно спросил всё еще не пришедший в себя от изумления Хасанза.

– Учить тебя будет.

– Чему?

– Из пушки стрелять...

Возле заморской пушки, которую последние дни так нехотя тянули за собой дунганские пушкарки, вскоре образовалась целая толпа. Все внимательно следили за движениями Лотара, который проворно и деловито заглянул в ствол, сунул туда палец, обнюхал. Затем медленно обошел пушку, с лязгом открыл казенник, покрутил механизмы – вверх-вниз, в стороны, подергал колеса, попрыгал на лафетах.

– Отлично! Всё в полном порядке, – повернувшись к толпе, произнес Лотар. – А где снаряды? – спросил он Хасанзу Громовержца. Тот молча ткнул пальцем на телегу, с которой только что прыгнул. На ней лежали два деревянных ящика.

Открыв ящик, Лотар взял в руки полотняный зарядный картуз:

– Смотрите, здесь цзинь пороха. – Затем вытащил из ящика металлический выстрел. – А это карточный выстрел, наполненный сорока восемью свинцовыми пулями. Летит на расстояние в один ли, – объяснил Лотар.

Пушкарки молча, вытаращив глаза, смотрели на него.

– Эй-ё!.. Смотри... Он еще и говорит по-нашему... – зашептали они, подпихивая друг друга в бока. Их привело в изумление не устройство пушки или снаряда, а то, что изо рта чужеземца, чёрта длинноносого, звучали слова на их родном языке. Это казалось им сродни, ну, с говорящей обезьяной, не меньше.

– А как зовут тебя? – раздался голос из толпы.

– Меня зовут Ло-тар Лан-ков, – отчетливо, по слогам ответил Лотар.

– Ло-да Ла-нэ-го, – хором повторила толпа.

– Чего глаза вытаращили?! Человек как человек, – громко выкрикнул Хасанза Громовержец. – Главное, пусть научит нас с этой штуковиной обращаться. Видали, откуда она заряжается? Рыбы вы головы! – беззлобно добавил он.

– Брат Хасанза, – остановил его Зеленый Вихрь. – Выбери несколько бойцов...

– Расчет орудия состоит из шести человек, – вставил Лотар.

– На одну пушку шесть человек? – удивился Хасанза.

– Вот, значит, выберешь шесть лучших. Чужеземец Лода начнет обучать их с завтрашнего дня. Через три дня покажете, чему научились, – закончил Зеленый Вихрь.

– Хмм... А если убежит? – озабоченно проговорил Хасанза Громовержец.

– Не убежит, – твердо заверил его Зеленый Вихрь.

– Хорошо. А чем кормить его? – неожиданно спросил Хасанза.

– Чем?.. Тем, что сами едите. Он такой же, как мы. Ты же сам сказал, – ответил Зеленый Вихрь.

– Такой, но не совсем... – после паузы пробубнил Хасанза. – На всякий случай на ночь я ему руки и ноги свяжу. Эй, бойцы, принесите-ка сюда аркан, – крикнул он своим пушкарям.

Зеленый Вихрь чуть задержал взгляд на покорно стоящем Лотаре.

– Знаешь что, – повернулся он к Хасанзе, – я его с собой заберу. А завтра утром он сам сюда придет... Придешь? – глядя в глаза Лотару, спросил Зеленый Вихрь.

– Приду, – кивнул головой Лотар. – До завтра, – отвесил он легкий, вежливый поклон Хасанзе.

Путь назад они прошли молча. Каждый думал о чем-то своем. Возле штабной палатки их встретил часовой, а внутри у низкого столика, на котором виднелись чашки с едой, их ждала та самая девушка, что спасла Лотара от неминуемой смерти. Увидев вошедших, она тут же встала.

– Брат, я приготовила ужин... – однако, заметив Лотара, тут же осеклась. – Правда, на чужеземца не рассчитывала.

– Его зовут Лода. Он научит наших стрелять из заморской пушки.

– Я не знаю, кто вы. Но вы спасли мне жизнь, и я этого никогда не забуду, – склонив голову, благодарно высказался Лотар.

– Это моя младшая сестра. Ее зовут Ясминэ, – пояснил Зеленый Вихрь. Затем с удивлением спросил: – А когда ты успела ему жизнь спасти? Почему я ничего не знаю?

– Коротышка Ван подбивал людей закидать пленных камнями.

– Вот чёрт неугомонный. А куда Муса смотрел?

– Он как-то растерялся. Ну, мне пришлось его растормошить, и тогда он остановил толпу.

– Молодец. Они все нам живыми нужны. Правда, еще не знаю для чего, – по его суровому лицу пробежала тень задумчивости. – Так, а теперь скажи, сама-то поела? – словно отрешившись от тяжелых мыслей, он спросил сестренку теплым, заботливым голосом, словно она была маленьким, несмышленным ребенком.

– Поела.

– Тогда показывай, что нам приготовила. М-мм... Всё еще тепленькое. Давай, Лода, садись. – Они расселись вокруг столика, поджав скрещенные ноги, и напоминали в этот момент добрых друзей за вечерней трапезой. – Ешь, не стесняйся.

– Спасибо. Но я вот что подумал. Вы привели меня к себе, посадили за общий стол, а я до сих пор не знаю, как мне вас звать.

– Меня зовут Эбду. Для друзей я – брат Эбду. Еще меня зовут Зеленым Вихрем. Ты можешь звать меня... – Зеленый Вихрь замялся, не зная, что придумать, – м-мм... господин, учитель, наставник... нет, не подходит...

– Командир Эбду! – раздался звонкий возглас Ясминэ.

– Пойдет, – согласился с ней брат. – А тебя будем звать – офицер Лода.

– Пойдет, – с готовностью кивнул головой Лотар.

– Давай, ешь, офицер Лода, – улыбнулся Зеленый Вихрь.

Чашка перед Лотаром была наполнена длинными завитками белой лапши. Середину стола занимали блюда с соленьями и теплой жареной овощной приправой. Приступ голода заставил живот тихонько заурчать, а рот тут же наполнился слюной. Однако Лотар уже знал, как вести за себя за китайским столом.

– Как вкусно пахнет, – он взял в руки палочки, но не полез с жадностью за приправой, а легкими движениями руки пригласил сделать это первым хозяина.

Зеленый Вихрь взял пару кусочков овощей, положил в свою чашку. Затем слегка подвинул блюдечки с приправой поближе к Лотару. Лотар, выбрав чуточку остро пахнущих овощей, тут же с легким поклоном головы подвинул их назад. На этом их церемонии закончились, и проголодавшиеся мужчины с апетитом принялись за ужин.

«В непростой ситуации человек умеет вести себя сдержанно и с достоинством. Не каждому такое дано», – отметил про себя Зеленый Вихрь.

– Спасибо. Никогда еще не ел такой вкусной лапши, – отодвинув в сторону пустую чашку, Лотар похвалил Ясминэ.

– Ланьчжоуский лагман, – прозвучал ее голос.

– Что?

– Так называется эта лапша, – ответил за сестренку Зеленый Вихрь. – Офицер Лода, у меня есть пара вопросов, – держа перед собой мелкую пиалу с чаем, проговорил он.

– Да, я слушаю.

– Ты сказал, что снаряды летят один ли. Но, насколько я помню, Саньципу обстреливали с более далекого расстояния. Ты ничего не путаешь?

– Конечно, нет. Просто существует два типа снарядов. Фугасные и картечь. У вас картечь. Её применяют против фронтальных атак противника. Ну, когда конница, как ураган, несется на тебя. Или пехота в штыковую бежит. А фугасными снарядами бьют на расстояние семь ли. Ими уничтожают противника и его укрытия на дальних расстояниях.

– На семь ли? – с сомнением покачал головой Зеленый Вихрь. – И точно попасть в цель? Как такое возможно? Или зрение особое надо?

– Для попадания не обязательно видеть. Главное знать цели и их точные координаты на карте местности. Этим занимается армейская разведка. Затем производится баллистический расчет, наводка орудия, и – бац!..

– Ничего не понял. Но интересно... – задумался Зеленый Вихрь.

Лотар молча допивал чай, исподволь кидая взгляды то на сидящую напротив Яминэ, то на ее сурового брата. «Похоже, что их всего двое на этом свете», – неожиданная догадка пришла Лотару в голову.

– Кроме неё и меня из нашей семьи никого больше не осталось, – неожиданно произнес Зеленый Вихрь.

«Чёрт, он что, мысли читает»? – слегка вздрогнув, Лотар поднял глаза на Зеленого Вихря.

– Мне очень жаль, – сочувственно произнес он вслух.

– К потере близких невозможно привыкнуть. Но мы обязаны принимать волю Всевышнего.

– Командир Эбду, могу я чем-то помочь?

– Тебе есть чем заняться. Завтра начнешь обучать наших пушкарей.

– Да, конечно. Но я вижу, вас что-то гложет?

– Ты очень наблюдателен. Мне кажется, ты даже знаешь, о чем я думаю сейчас. И давай на «ты».

– Ну, если не ошибаюсь, тебе не дает покоя чёртов проход через горы.

– Верно.

– И что, нет другого пути?

– Нет. В Кашгарию можно добраться только через Хесийский коридор. Дорога через него тянется две тысячи ли между высоких горных стен. Мы встали здесь, перед Ланьчжоу, – Зеленый Вихрь поставил свою чашку на стол. – А за ним, – он указал на чашку-город, – вот здесь у реки проход сужается, как горловина у тыквянки. Это место называют Воротами Хеси или Пастью дракона. Его охраняет крупная цинская застава. Две с половиной тысячи солдат с пушками. А вдогонку за нами вот-вот двинется армия Мао.

– Ясно. Если мы здесь застрянем, то окажемся в мышеловке.

– Вырвавшись со своими бойцами из Саньципу, я совсем не рассчитывал, что по дороге к нам присоединится уважаемый ахун со своим отрядом и мирными людьми.

– Да. Без больших потерь не прорваться.

– Очень много народа погибнет. А они верят в меня.

– Необходимо найти слабое место в обороне врага.

– Они защищены скалами. Вся местность перед ними хорошо простреливается.

– А тыл? Обычно слабое место всегда там.

– Зайти в тыл через горы? Хм-мм... – Зеленый Вихрь одобритительно посмотрел на Лотара. – Идея хорошая.

– Нужно найти человека, знающего здесь все козьи тропки, – развил свою мысль Лотар.

– Найдем. Ясминэ, отыщи Мусу и Лосана, – попросил сестру Зеленый Вихрь. Она быстро поднялась и вышла наружу.

Через короткое время в проеме палатки показалась огромная фигура Мусы и «кашгарского купца» Лосана. Зеленый Вихрь тут же поднялся на ноги. Следом за ним вскочил на ноги и Лотар.

– Это брат Муса и брат Лосан, – Зеленый Вихрь представил друга и бойца.

– Лотар Ланков, – отвесив поклон, произнес Лотар.

– Ло-да Ла-нэ-го, – повторил Муса. – Я уже забыл, из какой ты страны?

– Из Германии.

– Значит, тоже англичанин. Так за что генерала решил убить?

– Он еще расскажет об этом, – приостановил расспрос Зеленый Вихрь. – Лучше скажи, как чувствует себя монгол?

– Кровь не идет. Через день-два бегать будет. А на кой он сдался нам?

– Он должен хорошо знать эти места.

– А точнее?

– Можно ли через горы скрытно пройти в тыл заставы? Есть ли козыи тропы?

– Думаю, этот конокрад знает здесь всё, как свои пять пальцев.

– Надеяться только на него не будем. Брат Лосан, возьми пару ребят, и в горы. Сам разведай.

– Понял.

– Кстати, ты начертил план заставы?

– А как же? – Лосан гордо развернул свернутый лист бумаги.

– Ну, настоящий художник, – похвалил его Зеленый Вихрь. – Офицер Лода, посмотри! Вот так выглядит Пасть Дракона.

Лотар вперился в зарисовку.

– Это маньчжурская застава? – он провел пальцем по жирной черной линии.

– Она самая, – ответил Лосан. – В скалах прячется.

– Хм-мм... А горы впечатляют... – пробурчал себе под нос Лотар. – Понятно... В лобовую смысла никакого... Ну, а это просто дорога смерти... – он продолжил бормотание. Затем оторвал взгляд от карты-рисунок, поднял голову и, тяжело вздохнув, произнес: – Если не получится атака с тыла, то дело швах.

– Он кто? Военный советник, что ли? – вытаращил глаза Муса, глядя то на Лотара, то на Зеленого Вихря.

– Вроде того. И еще офицер Лода – наставник наших пушкарей, – со всей серьезностью проговорил Зеленый Вихрь.

– Не зря, выходит, пушку тащили. А вот у меня вопрос. Если заряды для нее кончатся, то как она стрелять будет? Наши ядра и порох подойдут? – заинтересовался Муса.

– К сожалению, нет, – Лотар сожалеюще развел руки в стороны.

– А где же нам тогда заряды брать? – озабоченно спросил Муса.

– Там же, где пушку взяли.

– У «восьмерок», что ли? – удивленно вытаращил глаза Муса. И затем добавил: – Ну да, у кого же еще окромя них.

– Так. На сегодня хватит, – остановил разговор Зеленый Вихрь. – Брат Муса, ночевать он будет под твоим присмотром. А утром отведешь к Хасанзе.

– Я сам дойду, – неожиданно произнес Лотар, глядя на Зеленого Вихря.

– Хорошо, – кивнул ему Зеленый Вихрь.

Муса тут же бросил на командира вопросительно-недоуменный взгляд.

– Всё в порядке. Он уже знаком с нашим Громовержцем и дал слово не сбежать, – успокоил его Зеленый Вихрь.

Едва за ними опустился полог, на Зеленого Вихря обратила вопросительный взгляд Ясминэ.

– А если он убежит и всё маньчжурам расскажет? Ну, чтобы его простили, – прозвучал её встревоженный голос.

– Я верю его слову.

– Доверять – доверяй, а верблюда привязывай. Кто меня учил?

– Ты же знаешь, Муса с него глаз не спустит.

– Знаю. Спокойной ночи!

– Я тебя провожу.

Зеленый Вихрь не оставлял её без присмотра ни на минуту. Если не сам, то кто-то из «неприметных» всегда приглядывал за ней. Сам Зеленый Вихрь ночевал обычно в штабной палатке.

Поздний намаз принес душе легкое успокоение, но сразу уснуть ему не удалось. Опять, как из глубокого колодца, потянулись приглушенные стоны, плач детей, вопли, стали доноситься голоса. Они впивались в сердце раскаленными иглами. Но теперь он четко слышал их: «Эбду, остановись! Куда, куда ты ведешь людей?!»

«Я должен ответить всем прямо сейчас, – подумал он про себя. – Иначе не смогу бороться с врагом. Дрогнет рука, ослабеет воля... Помните, – мысленно обратился он к ним, – вспомните клетки с головами ваших безвинных отцов, братьев, сыновей, младенцев, умерших без молока матерей, разграбленные, сожженные дома. Нас лишили крова, чести и достоинства. Мы забыли, что значит справедливость и равноправие. Разве человек может так жить? Разве терпение безгранично? Разве есть вина в том, что мы, мусульмане от своего рождения, и смысл жизни нашей – служить и поклоняться Всевышнему, пока не завершится короткий земной путь? Как свеча не может гореть без фитиля, так и народ наш не может жить без веры. Поверьте, наши жертвы не напрасны, мы на правом пути, раз враг, которого числом во сто крат больше, не может до сих пор одолеть нас. Так вот, чтобы жить достойно завтра, мы воюем и умираем сегодня. Да, враг отнял у нас родину. Нам больше никогда не увидать могил своих предков. Но мы найдем землю, которая приютит нас и станет нам новой родиной. Я обещаю это вам!» – Зеленый Вихрь ощутил боль в сдавленных до белизны кулаках, а в груди никак не успокаивался, не стихал потревоженный вулкан, и он хорошо знал, что там еще бурлит и клокочет раскаленная лава его личной мести.

* * *

В это же время, примерно в девятистах ли от лагеря дунганских повстанцев, генерал Мао заканчивал совещание военного Совета.

– Итак, еще раз! Ваша главная задача – остановить мародерство, привести солдат в боевую готовность. Всех командиров, чьи бойцы не будут готовы к выступлению ровно через двадцать четыре часа, ждет смертная казнь. Зеленый Вихрь не должен уйти от нас. Другого шанса нам не выпадет. Всем разойтись и исполнять полученный приказ!

Сам генерал, оставшись в окружении четверых телохранителей, бесшумно прохаживался по шелковым коврам тончайшей работы и еле сдерживал рвущуюся из него радость охотника, которому предстояла скорая встреча с попавшим в капкан свирепым зверем.

– Нет казни, подходящей для этого злодея, – подойдя к затаившемуся, как всегда, в углу доктору, злобно выдавил из себя генерал. – Может, вы что-то новое подкажете?

– Мое дело – лечить и исцелять людей, – тихо раздалось в ответ.

– Но это особый случай. Спрошу Тун Бао, когда он вернется. Маньчжуры знают толк в таких делах. Он рассказывал, что они частенько закатывали жертвы в сырые бычьи шкуры и оставляли на солнцепеке... Нет, нет. Такую смерть он воспримет как подарок судьбы.

– Мой генерал, вам не следует увлекаться мыслями о пытках и казнях. Они провоцируют приток негативной энергии и преграждают путь ясности ума.

– Этот человек не дает мне покоя девять лет. Он самый опасный враг, который встречался на моем пути.

– Я слышал, что он еще довольно молод.

– Да. Ему всего лишь тридцать... Иногда мне кажется, что его либо оберегают духи, либо он сам злой дух.

Глава десятая

1862 год. Год Черной собаки. Провинция Шэньси

В лагере генерала Мао Хунлиня шли последние приготовления к походу. Солдаты проверяли снаряжение, запасы боеприпасов: порох, свинцовые пули и пыжи, острые стрелы в колчанах. Командиры рот заботились в первую очередь о провианте – голодный солдат в поле не воин.

– Выступаем рано утром! – разнесли вечером приказ штабные гонцы.

Генерал Мао Хунлинь лично возглавил батальоны своих «непобедимых», двинувшихся впереди колонны. За ними потянулись бесконечные ряды ханьских добровольцев. Дунганские разведчики, увидевшие растянувшиеся на десятки ли войска с развернутыми боевыми знаменами, грохочущими барабанами и вздымающимися в воздух клубами пыли, со страхом в глазах и заиканием в голосе передавали об увиденном по эстафете. В мечети Небесных Тополей эйфория от победы стала медленно улетучиваться. Людей снова охватило чувство страха.

– Их много. Очень много. Завтра к полудню они будут стоять здесь. Что делать? – посыпались вопросы к ахуну Ма Лихэру и Железному Кулаку.

– Уходить надо, – решительно заявил Железный Кулак. – Шансов у нас никаких.

– Бежать после такой победы? К нам уже потянулись люди из соседних деревень. Они поверили в нашу силу. А мы повернемся спиной и к ним, и к врагу, бросим всё и помчимся в горы спасать свои жизни. Разве это достойно воинов джихада?

В это время у стен мечети раздался шум. Люди радостными криками встретили большой вооруженный отряд из соседней деревни. Затем появилась совсем небольшая группа во главе с извозчиком Лугмой.

– Люди! – взобравшись на повозку, Лугма обратился к толпе. – Я не верил слухам, что нас хотят истребить. Но лично на меня напали ханьские дружинники. Они кричали, что у них есть приказ убивать нас всех без разбора. Я еле спасся. Только все вместе – мы сила! Аллаху Акбар!

Тонкими ручейками в Небесные Тополя начинал стекаться вооруженный люд. Всех встречали восторженными возгласами.

– Вот видите. Люди идут и идут. К завтрашнему утру нас будет не меньше, чем вражьей силы. Мы отстоим наши дома! Аллаху акбар! – вдохновлял окружавших его командиров ахун Ма Лихэр. – Теперь нам нужен план действий.

Командиры, молча склонив головы у самодельной карты, исподволь поглядывали на стоящего возле своего отца Эбду.

– Эбду, у тебя есть что сказать? – не выдержал ахун, прервав затянувшееся молчание.

– Нам лучше избежать сражения.

– Слова без доводов не убеждают.

– Их больше числом, они лучше вооружены и обучены. Наша сила во внезапности и засадах. А вокруг нас поля да поля. Поэтому вступать здесь с ними в бой всё равно, что выходить с голыми руками против голодного тигра.

– Хм-мм... Сказано грамотно. Достоинство опытного военачальника. Но мне кажется, упущена одна, самая важная вещь. Мы – шахиды. Мы непобедимы и бессмертны. Принять бой с шайтанами и, если надо, погибнуть в нем – вот чего ждет от нас Всевышний. Кто за то, чтобы принять бой?

– Аллаху акбар!.. Аллаху акбар!.. – дружно понеслось со стороны командиров, означая поддержку словам ахуна.

– Аллаху акбар! – присоединился к ним Железный Кулак.

– Аллаху акбар! – не остался в стороне и Эбду.

В это время, расталкивая толпу, в центр собравшихся протиснулся Гащим из отряда «неприметных».

– Генерал Мао повернул назад и возвращается в лагерь! – радостно прокричал он неожиданную новость.

– Что?! Откуда сведения? – с поднятыми от удивления бровями спросил ахун.

– Наша разведка глаз с них не спускает, – ответ Гащема потонул в гуле возбужденных голосов.

– Что бы это значило? – завертели люди головами, вопрошая друг друга.

– Узнал нашу силу и на попятную пошел, – высказал догадку ахун.

– Верно!.. Поджилки затряслись... Понял, что еще раз по холке получит... – понеслось вокруг.

Народ возликовал. Никто не понимал, что случилось, что последует за этим. Но кровопролития не будет. Тысячи жизней спасены. И радость была великой.

– Аллаху акбар! Аллаху акбар! – воодушевленно восклицал ахун. – Соберите бойцов в поле. Мы все вместе должны воздать молитву Всевышнему, – отдал он распоряжение командирам. С огромной искренней радостью люди встали плечом к плечу, склонив головы со свешенными набок плетеными косями, над которыми понеслись протяжные, устремленные в небо и души слова.

После молитвы командиры провели совет.

– Мы не знаем, что на уме у генерала. Поэтому никому никуда не расходить. Семьи назад пока не возвращать. Посмотрим, понаблюдаем за действиями властей, – высказал свое мнение ахун Ма Лихэр.

– Слушайте, друзья, чего ждать да гадать-то? Давайте Ма Хэпина попросим обо всем разузнать, – прозвучало предложение от Железного Кулака.

– Верно, – согласился ахун.

Писарю Ма Хэпину не пришлось даже прилагать каких-либо усилий, чтобы разузнать причину возвращения армии генерала Мао в лагерь. Ему всё рассказал сам Чжан Сяолунь и попросил при этом выполнить одно поручение...

...А произошло следующее. Армия генерала под грохот барабанов двинулась в поход. Удобно расположившись в своей роскошной повозке, генерал пребывал в отличном расположении духа. Он знал, к чему приводит даже малейшая недооценка врага, и потому загодя выслал вперед армейскую разведку, от которой получал ежечасные сообщения. Ничего, что могло бы напрочь нюх генерала, еще не поступало. Но это ни в коей мере не усыпляло его бдительность. Он помнил, что дунгане много веков верно несли пограничную

службу на окраинных рубежах Поднебесной, и военная выучка у них была, можно сказать, в крови. «Однако если даже маньчжуры утратили все свои воинские навыки, то с чего они должны сохраниться у дунган», – расслабляющая мысль всё-таки проскользнула в его голове. «Итак, – задумался он дальше, слегка потряхиваясь на кочках, – с ними я покончу довольно скоро. Пройдоха Чжан Сяолунь сумеет быстро распродать их плодородные земли и дома. И когда деньги, вернее, часть денег, поступят в опустевшую государственную казну, то об этом народе никто и не вспомнит, а вот мне еще спасибо скажут. На этих землях жить должны только ханьцы. Всегда и вечно. Маньчжуры скоро станут не опасны. Жалкие варвары... Против них и восставать не надо. Они и так уже почти растворились, потерялись в нашей ханьской вселенной. А вот мое имя навсегда войдет в историю Поднебесной».

Но неожиданно, когда хвост гигантской армейской колонны только покидал расположение лагеря, к его повозке в сопровождении адъютанта подскочил гонец со знаками отличия императорской курьерской службы. Отбив поклоны выглянувшему из окна повозки генералу, он передал ему срочное послание из Пекина, скрепленное красной печатью Небесной канцелярии. Разорвав печать, генерал дважды прочитал его. При этом лицо его исказилось от ярости, губы сжались в струну, а в сузившихся глазах замелькали искры.

– Ну, хорошо, советник Сун, – зловеще процедил он сквозь зубы. Взмахом руки подозвал адъютанта. – Передать приказ всем командирам – возвращаться в лагерь!

Через короткое мгновение послышались гортанные выкрики команд, загремели барабаны, замелькали в воздухе сигнальные флажки, и колонна стала медленно разворачиваться назад.

Сам же генерал, по прибытию в свою резиденцию, немедленно вызвал Чжана Сяолуня.

– Что случилось, дядя? – обеспокоенно спросил Чжан Сяолунь, как всегда, обуреваемый страхом.

– Сюда срочно направляется комиссия во главе с личным посланником советника Суна. Они хотят разоружить отряды добровольцев и предотвратить войну с дунганами.

– Так что, война отменяется? – удивился Чжан Сяолунь.

– Откладывается на короткий срок. Очень короткий, – зло усмехнулся генерал.

– А почему мы должны слушать его? – задиристо спросил Чжан Сяолунь.

– Советник Сун имеет огромное влияние на Сына Неба, и не подчиняться его приказам не могу даже я.

– А может всплыть наружу, что императорский приказ уничтожить всех дунган придумали мы?

– Нет. Это уже народная молва. У нее корней не сыщешь. Так что будь спокоен. А вот сейчас мне нужна твоя помощь.

– Всегда в вашем безграничном расположении.

– Ты говорил, у тебя есть надежный дунганин.

– Да. Писарь Ма Хэпинь.

– Так вот, пусть он сообщит своим, что сюда с мирным планом направляется личный посланник советника Суна из Пекина. Если они согласны с ним встретиться, то должны гарантировать его неприкосновенность. Подчеркни – гарантии неприкосновенности.

– Сделаю немедленно.

– И еще. Мне кажется, я недооценил их способности. Они собрали немалые силы. И главное, у них имеется несколько умников. Вот они для нас – са-

мая большая опасность и проблема. Передай писарю, я жду имена этих умников и точное число мятежников.

– Всё сделаю, – отбивая поклоны и пятась назад, заверил генерала Чжан Сяолунь. А про себя подумал: «В мрачноватом что-то настроении дядя. Пришлю-ка я ему пару молоденьких девушек. Уж они-то взбодрят его».

Вернувшись к себе, Чжан Сяолунь немедленно вызвал Ма Хэпина. Так писарь узнал о важном поручении и поспешил с ним в Небесные Тополя. Народ вновь возрадовался и возликовал.

– Видишь, мы победили! – толкая в грудь кузнеца Подкову, кричал повар Яма-Кочка.

– Не спеши. Послушаем сначала, что за мирный план у них, – еле сдерживал пыл повара кузнец.

– Какой бы ни был, но это мир!

– Хорошо. Давай только посланника дождемся.

* * *

Пользуясь выпавшей передышкой, Эбду решил забрать Янлинь из уездного города. За помощью он обратился к верному Мусе.

– Я всё это время хотел спросить, у тебя что, так серьезно? – спросил удивленный Муса.

– У нас будет ребенок, – доверительно шепнул Эбду. – Сын, по-моему, – добавил он.

Муса не мог поверить своим ушам. «Вот чёрт тихушный. И когда же он успел?»

– А родители что скажут? Она ведь ханька.

– Она им понравится.

– Ну, ладно... Смотри, тебе сейчас лучше в город не соваться. Там всех на входе и выходе проверяют.

– Знаю. Значит, сделаем так... Рано утром жди нас на своей лодке у речного кабака «Жирный карп».

– Понял.

Дождавшись ночи, Эбду незаметно перелез через крепостную стену и отправился к Сун Янлинь.

– Как долго тебя не было, – трепетно прижавшись к сильному телу, прошептала она.

– Смотрю на тебя, и мне кажется, от тебя исходит свет. Как такое может быть? – с удивлением заметил Эбду.

– Это от него, – указала она на подрастающий живот.

– Теперь только я в ответе за вас.

Они проговорили всю ночь. Эбду честно, без утайки рассказал о страшных событиях, обрушившихся на их жизнь.

– Янлинь, мне неизвестно, что будет с нами, но я хочу, чтобы мы были всегда вместе, – произнес он под стук колотушек, отбивающих начало третьей ночной стражи.

– А ты думал, я против? – В темноте Янлинь не заметила мягкую улыбку, озарившую суровое лицо Эбду...

Рано утром, сидя в лодке Мусы и поеживаясь от сырого речного холода, они пересекли реку и выбрались на берег. Там стояла повозка Лугмы, а вокруг нее гарцевал на конях почти весь отряд «неприметных». Озорно, со свистом и криками, под недоуменные взгляды заполнивших деревню ополченцев, они домчались до родительского дома. Он уже был полон обучающимися там военным премудростям крестьянами.

– Что за шум? – из просторного двора вышел наружу отец, держа в руках полотенце, которым обтирал вспотевшее от боевых упражнений сильное тело.

– Сноху принимай! – раздались веселые голоса всадников перед недоумевающим отцом.

В это время с коня спрыгнул Эбду.

– Отец, я не говорил вам с мамой. Но у меня есть невеста. И она будет моей женой, – он обнял отца за крепкие плечи. – Она понравится вам.

Оставив на мгновение ошарашенного таким сообщением отца, Эбду подошел к повозке, распахнул дверцу и вывел из нее Сун Янлинь, смущенно опустившую голову. В руках она держала небольшой узел.

– О, Силы небесные! Что это такое?! – невольное вырвалось у Железного Кулака. Совсем не такую невестку представлял он себе. «Э-ээ, может, он разыгрывает меня?» – вдруг подумалось ему.

– Ее зовут Сун Янлинь. Отец, нам нужно провести никах, – совершенно серьезный голос Эбду развеял сомнения Железного Кулака.

– Так она же ханька, – вырвалось у него. Заметив оплошность, он как-то нелепо закашлялся.

– Ну и что с этого? – улыбнулся Эбду, постукивая ладонью по спине отца.

– А может, дождемся лучших времен? Матери рядом нет. И что вокруг творится, сам видишь, – прошептал в ухо присоединившийся к разговору Ваншан.

– Потому и тороплюсь. После никаха отправлю ее к маме в горы. Пусть там родит и переждет, пока всё закончится.

– Родит?! – в один голос спросили тут же переставший кашлять отец и старший брат.

– Ага. Мне кажется, мальчика.

– Ну ты даешь, братец, – улыбнулся Ваншан.

– Так... Занятия закончены, – замахал руками Железный Кулак, выпроваживая со двора изумленных ополченцев. – А ее скорее в дом веди. Аллаху акбар! – отец засуетился, словно Сун Янлинь должна была вот-вот разродиться прямо перед воротами дома. – Я к ахуну побежал. Поговорю с ним...

Народ быстро разошелся, разнося по деревне слух о женитьбе Эбду на ханьской красавице. А расстроенный Железный Кулак в это время уже сидел на кане в доме ахуна Ма Лихэра за низким обеденным столиком:

– Смотрю и не узнаю его. Вроде бы он... Но как на такое решился? Понимаю, красавица...

– Станный мы народ. Очень странный... – покачивая головой, произнес ахун.

– Мы сейчас не об этом, – перебил его Железный Кулак.

– В наших жилах – наполовину ханьская кровь, – продолжил Ма Лихэр, – а мы всё считаем себя другими, не такими, как они. Вечно обособляемся, ограждаемся, придумали – «наши, не наши». Из-за этого и они относятся к нам как к чужакам. Вот где наша проблема. Ты не задумывался, почему у всех людей кровь одинаковая? – неожиданно выдал ахун.

– Нет, – ответил Железный Кулак.

– Потому что люди-то ничем не отличаются друг от друга. Как сказал наш Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, никто не имеет преимущества над другим, ни араб над не арабом, ни не араб над арабом, ни белый над черным, ни черный над белым.

– Но мы ведь разные. Ни один дунганин не скажет, что он одинаков с ханьцем.

– Это всё от человеческой глупости. Каждый считает себя выше другого. А не лучше ли одному соседу сблизиться с другим и жить с ним в любви и

мире? Пусть нас разделяют веры. Вот мы поклоняемся Аллаху, великому и милосердному, а они ходят в свои храмы и возжигают свечи небесным силам и духам. Знаешь, в Священном Коране сказано: «Нет принуждения в религии».

– А кто тогда мешают нам жить в согласии?

– Шайтаны. Такие, как генерал Мао, правитель Чжан Сяолунь. Они неустанно сеют в душах людей злые умыслы и толкают к подлым делам: «Посмотрите на этих неотесанных мусульман. Они скупили ваши плодородные земли, прихватили в свои руки Шелковый путь, сбывают вам опиум, богатеют, а вы, истинные хозяева этой земли, беднеете, нищаете, скуриваетесь и вымираете. Вскоре наступит очередь ваших храмов и кумирен, которые они превратят в мечети. Поднимитесь с колен, изгоните их прочь, верните назад свои богатства, возьмите всё в свои руки».

– Да, шайтаны сделали свое черное дело...

– Теперь, чтобы снова мирно жить, придется воевать... Однако к чему я всё это наговорил?

– Да-да, к чему?

– Если бы было больше таких, как Эбду, готовых, несмотря ни на что, жениться на ханьских женщинах, родниться с ними, то поверь мне, у шайтанов не было бы никаких шансов рассорить наши народы.

– А-а-а... Ну, такое раньше надо было проповедовать. Скажи лучше, когда никах проводить будем? А то вдруг генерал армию свою назад развернет?

– Сегодня же. После обеденной молитвы. Так что готовь свидетелей. И... надеюсь, не всех овец в горы угнал?

– Для такого случая найду. Аллаху акбар!

– Аллаху акбар!

Неожиданная свадьба стала в деревне чем-то вроде глотка свежего воздуха в тяжелом смраде, вроде ясного, солнечного дня в темную, затяжную, ненастную погоду. Все вдруг вспомнили, что кроме смерти, страха, злобы и ненависти есть и вечные радости жизни. Отсутствие женщин совсем не помешало готовить свадебное пиршество. Железный Кулак, собрав во дворе близких и друзей, быстро распределил обязанности и выбрал свадебных свидетелей.

– На скольких гостей готовить-то? – застал Железного Кулака врасплох Яма-Кочка.

– Х-мм... Во дворе накроем для самых близких. Трех овец, думаю, хватит. А вот пампушек в масле нажарь для всех ополченцев.

– На всех?! Это сколько же муки и масла мне потребуется? – задумчиво почесал голову повар.

– Муку возьмешь на моей мельнице... А масло на моей маслобойне, – одновременно предложили стоящие рядом их владельцы.

– Спасибо, друзья, – поблагодарил их Железный Кулак.

Сун Янлинь была женщиной не из робкого десятка, но от такого количества суесящихся во дворе мужчин даже ей стало не по себе.

– Эбду, неужели ни одной женщины в деревне не осталось?

– Нет. Все ушли.

– Как страшно.

– Не переживай. Это ненадолго.

Верил ли он сам в сказанное? Янлинь ничего не ответила, лишь тихонько вздохнула.

– Ну, начну одеваться и прическу делать, – решительно произнесла она. Из своего небольшого узла достала удивительно красивый шелковый халат и коробочку с красками и белилами.

– Тебе будет не хватать служанки Ван, – заметил Эбду.

– Я не предложила ей пойти со мной, потому что она пошла бы, не задумываясь. А как я могу звать человека в неизвестность? Ничего, справлюсь сама.

В этот самый момент во дворе вдруг стало особенно шумно. Гул мужских басов перекрывал визгливый женский голос, на который тут же обернулась Янлинь и бросилась к окошку.

– Тетушка Ван! – вскрикнула она.

Вместе с Эбду она выбежала во двор.

– Пропустите ее! Это тетушка Ван! – попросил Эбду пару своих «неприметных», крепко держащих служанку за руки.

– Я же говорила вам, олухи деревенские, что моя хозяйка здесь! – торжественно прикрикнула на бойцов тетушка Ван.

– Ну, вот, опять вы вместе, – улыбнулся Эбду, провожая их в дом.

Сун Янлинь, честно говоря, нисколько не боялась неизвестного обряда. А вот служанка Ван тряслась от страха. Ей казалось, что после никаха, прямо на ее глазах, Янлинь превратится в какое-то неведомое существо. Она тяжело вздыхала, охала, помогая Янлинь сначала облачиться в красивый наряд, затем уложила волосы в высокую прическу и украсила их яркими бумажными цветами. Но белила на лицо и тушь на глаза Янлинь всё же нанесла сама.

Глава одиннадцатая

Март 1871 года. Лагерь повстанцев неподалеку от Ланьчжоу

Ранним утром Лотара пробудил громкий, протяжный голос, разносившийся над еще спящим лагерем. Он слышал подобное в Турции и знал, что так пять раз в день мусульман призывают совершать молитвы. Высунувшись из палатки, не поверил своим глазам. В такую рань женщины уже разжигали очаги, а мужчины, на ходу поправляя одежду, заполняли пустошь, на которой их поджидал ахун в длинном черном халате и белой чалме на голове. «Дисциплина что надо», – улыбнулся Лотар про себя и отправился на другой конец лагеря. За ним вслед тут же двинулся один из «неприметных».

Громовержец Хасанза и шесть бойцов уже стояли возле орудия.

– А-а-а... Пришел. Молодец, – похвалил его Хасанза. – Ты ел или нет? – спросил он следом. Лотар уже привык к такому приветствию.

– Да, я хорошо поел, – соврал он. – Давайте начнем!

– Они ждут указаний, – ответил Хасанза.

– Расчет, в одну шеренгу становись! – громко отдал команду Лотар.

Никто даже с места не шелохнулся, лишь от удивления округлились шесть пар глаз. А у Хасанзы, стоящего сбоку, раскрылся рот: «Это еще что такое?»

«Так, всё понятно. Начнем с азов. То бишь со строевой», – вздохнул про себя Лотар...

В это же время в штабную палатку ввели раненого Мергена. За ночь ему стало значительно лучше. Боль еще отдавалась в плече, но он уже не стонал и мог стоять на ногах.

– Тебя как зовут?

– Мерген, сын Джамбыла.

– Если соврешь хоть один раз, тебе отрубят голову. Поэтому, прежде чем отвечать, хорошо подумай.

– Мерген никогда не врет. Он скажет вам только правду.

– Посмотрим, – произнес Зеленый Вихрь и задержал на стоящем перед ним пленнике пристальный взгляд. «Законченный лгун», – отметил он про себя.

«Этому лучше, действительно, правду говорить. Демон какой-то», – отведа в сторону взгляд, с суеверным страхом подумал Мерген.

- Ты в этих местах родился? – прозвучал голос Зеленого Вихря.
- Да. На стойбище у Каменных столбов. Отсюда один день не спеша ехать.
- Скот воровал?
- Приходилось.
- Кому продавал?
- Саларам. Иногда калмыкам.
- А заставу маньчжурскую как обходил?
- Никак.
- Не понял.
- Ну, ее никак не обойти. Обычно мы на посту денег даем, нас и пропускают.
- Мне с бойцами надо обойти ее и зайти на нее сверху. С гор. Понял?
- Сверху? С гор? Нет, не понял.
- Нам надо напасть на заставу сверху, с гор, – Зеленый Вихрь рукой изобразил обходной маневр. – Теперь понял?
- Понял... Но ничего не выйдет.
- Почему?
- Это плохие горы. Там камнепад на каждом шагу. Даже козлы горные эти места стороной обходят.
- Откуда знаешь?
- Я пытался несколько раз так пройти. Кучу скотины потерял и сам еле живой остался.
- «Правду говорит», – подумал про себя расстроенный Зеленый Вихрь и тут же потерял интерес к Мергену, который мгновенно заметил это.
- Я правду сказал... Я ничего не соврал, – жалобно залепетал он.
- Уведите и накормите его, – приказал Зеленый Вихрь стоящим начеку двум «неприметным».
- «Мм-да... Удар с тыла – ход неплохой. Но о нем теперь можно забыть. Монгол не врет. Так. Какие еще планы?.. Ах, да. Маньчжурский офицер обещал что-то...»
- Приведите маньчжура! – громко приказал Зеленый Вихрь часовым.
- Тун Бао не спал большую часть ночи. «Они хотят пройти заставу без потерь и ждут от меня чудо-плана. Если я им ничего не предложу, то этот кривошей с превеликим удовольствием перережет мне горло. Но что? Что я могу придумать?» – И вот теперь со связанными руками он стоял перед Зеленым Вихрем, а в голове лихорадочно крутились, смешивались в горячий клубок всевозможные версии.
- Штабная палатка тем временем заполнялась батальонными командирами.
- Салам аллеюкум!.. Аллейкум салам!.. – слышались вежливые приветствия.
- Последним появился ахун Ма Щинло в сопровождении двух командиров. Один носил прозвище Моргала, так как время от времени его донимало частое нервное подергивание век. Другого, из-за покрытого рябинами лица, звали не иначе, как Рябой. Ахун, опустившись на толстое одеяло, прочитал короткую молитву.
- Аминь! – провел он ладонями по лицу.
- Аминь!.. Аминь!... повторили за ним присутствующие.
- Затем ахун поудобнее уселся, подтянул под локоть мягкую подушку. Командиры расположились чуть позади. Ясминэ неспешно угощала собравшихся чаем.
- Ты помнишь, что вчера говорил? – грозно обратился к Тун Бао ахун. Тот с испугом на лице облизал языком пересохшие губы и закивал головой.

– Да, да. Я знаю, что делать надо, – внезапно в его голове смутные очертания приобрели четкие контуры, а голос прозвучал твердо и уверенно.

– И что? – Зеленый Вихрь с удивлением поднял на него глаза.

– Голова чужеземца в обмен на проход, – совершенно неожиданный ответ застал всех врасплох. Командиры, обменявшись друг с другом вопросительными взглядами, обернулись в сторону Зеленого Вихря и ахуна.

– Хм-мм... – первым отозвался ахун. – Звучит неплохо... А что скажет брат Эбду?

– Да, звучит вроде интересно. Но!.. Во-первых, с кем договариваться? Вторых, если генерал узнает, что беглец у нас, то может даже ускорить погоню, – на мгновенье задумавшись, ответил Зеленый Вихрь.

– Генерал ничего не будет знать, – слова Тун Бао вновь удивили всех.

– Как же так? А кто нам проход откроет? Уж не ты ли? – усмехнулся ахун.

– Нет... Окружной правитель.

– И с какой стати? – с прежней усмешкой поинтересовался ахун.

– Он очень хочет преподнести генералу голову заморского черта. Генерал его родной дядя. А Чжан Сяолунь всем на этом свете обязан ему.

– Чжан Сяолунь? – сузив глаза, неожиданно процедил сквозь зубы Зеленый Вихрь. – Он здесь, в Ланьчжоу?

– Да, господин командир, – закивал головой Тун Бао.

– И давно?

– Пять лет назад генерал сделал его правителем этого округа, чтобы всю торговлю опиумом из Кашгарии в свои руки прихватить.

– Мерзавец! Ничем не гнушается, – с гневом произнес Зеленый Вихрь. – С этим подонком Чжаном Сяолунем, как и с его дядей-генералом, вообще нельзя ни о чем договариваться. Да вы сами пораскиньте мозгами. Обмен совсем неравноценный.

– Я смогу убедить правителя пропустить только мирных жителей. Разве этого недостаточно? – Тун Бао сделал очень хитрый ход.

– Здесь есть над чем подумать, – глубокомысленно заметил ахун.

В палатке повисла тишина. Командиры призадумались.

– Брат Эбду, что долго думать? – не выдержал один из командиров. – План-то вроде бы и ничего. Мирный народ спасём. Ну, а сами как-нибудь прорвемся.

– Нет. Мое предложение – будем готовиться к общему прорыву. Другого выхода я не вижу, – без шанса на возражение отчеканил Зеленый Вихрь.

– Я поддержу брата Эбду, – ахун встал на сторону Зеленого Вихря. – А с ним что делать? – ахун кивнул головой на Тун Бао.

– Пусть брат Муса решит, – ответ Зеленого Вихря прозвучал как приговор.

– Господин командир, не убивайте меня. Я еще пригожусь вам, – уныло, теряя веру, как ослабевший пловец, тонущий в вихрящемся водовороте, пробормотал Тун Бао. – Я знаю подземный ход в ямынь! – воскликнул он, вспомнив секретный лаз, соединяющий губернаторскую резиденцию с одной из многочисленных вырубленных в горах пещер, в которых когда-то жили буддистские монахи.

– Что? – резко переспросил Зеленый Вихрь.

– Всего несколько человек на земле знают про него, – шепотом добавил он.

– Откуда и куда он ведет?

– Из одной пещеры за городом прямо в резиденцию правителя.

– Это уже поинтереснее, – в глазах Зеленого Вихря зажглись огоньки. – Ну, а что ты будешь делать, когда получишь свободу? – неожиданно спросил он.

– Я всю свою жизнь исполнял чужие приказы, убивал без разбору, не знал пощады. И только сейчас, когда судьба в одно мгновение переставила фигуры,

мне стало понятно, что значит, когда твоя жизнь в чужих руках... В детстве я много слышал о священном Белом озере. Говорят, оно очищает людские души. Туда уйду.

– И где оно?

– От Урги еще двадцать дней на север.

– Далековато. До Урги отсюда идти не меньше, – заметил ахун Ма Щинло.

– Если говоришь правду, то увидишь свое озеро. Увести! – завершил допрос Зеленый Вихрь.

Едва опустил за Тун Бао полог палатки, как ахун обернулся к Зеленому Вихрю.

– Так как прорываться будем? У тебя уже готов план?

– Да. Мы пойдем на штурм заставы.

– Хм-мм... Прямо в лоб?

– По-другому обоз с людьми не прикрыть.

– Понятно. А чем подземный ход нам пригодиться может?

– Подумаю.

– Ну что ж. Прорываться так прорываться, – одобрительно кивнул головой ахун, подымаясь на ноги. – Что сейчас делать людям?

– Главное – это ускорить движение обоза. Пусть люди займутся своими подводами. Колеса смажут. Облегчат их. Всё лишнее – долой. Что еще?..

– Может, щиты сбить и сбоку навесить? – раздался голос одного из командиров.

– Хорошая мысль, – тут же отозвался Зеленый Вихрь. – Что еще?.. Давайте к людям. Они много чего толкового придумают.

Палатка быстро опустела.

– Ну, а мы пойдем посмотрим, что делает офицер Лода. Не против? – предложил Зеленый Вихрь сестренке.

– Пойдем, – охотно согласилась она.

На другом конце лагеря Лотар муштровал шестёрку дунганских бойцов в полном соответствии с уставом прусской армии. За ними с любопытством следили несколько зевак и Громовержец Хасанза, удобно расположившиеся на подводах и неспешно поглощающие жареные соленые бобы.

«Расчет, в одну шеренгу становись!.. Смирно! Расчет, по порядку номеров, рассчитайсь!.. Расчет, направо!.. Налево!.. Кругом!.. Вольно!»

Бойцы каждый раз вздрагивали от резких команд Лотара, словно от обжигающих ударов хлыста.

– Видишь, брат, как оно бывает? Чтобы метко стрелять, надо оказывается, правильно ходить, – ловко прыгнув на землю, заметил Хасанза подошедшему Зеленому Вихрю.

– А знаешь почему? – серьезно прозвучал вопрос Зеленого Вихря.

– Нет.

– Сейчас узнаешь. Офицер Лода, принимай еще одного добровольца! – слегка улыбнувшись, Зеленый Вихрь подтолкнул Хасанзу к замершим по стойке смирно пушкарям.

– Ха-ха! Шутник... Я лучше там посижу, – Хасанза в два прыжка взлетел назад на подводу.

– Расчет, вольно! Разойдись! – рассекли воздух команды, и к Зеленому Вихрю с Яминэ подошел Лотар.

– Вверенный мне расчет занимается строевой подготовкой, – отдав честь, доложил он.

– Ну как? Получается?

– Начало всегда непросто.

– Согласен.

Глядя на Лотара, Зеленый Вихрь подумал: «Какие-то мгновенья назад его жизнь зависела от нескольких слов. Стоило лишь сказать: “Да, давайте поторгуйтесь с правителем”, – и голова чужеземца полетела бы с плеч. Однако из моих уст вылетело – “Нет!..” Судьба, как же забавна ты».

– Продолжайте занятие, – бросил Зеленый Вихрь.

– Расчет, становись!

Бойцы быстро выстроились возле орудия.

– Смирно!.. Вольно!

«Так, – соображал про себя Лотар, – дисциплина у них в порядке. Команды понимают быстро. Теперь главное правильно расставить их по номерам. Толкового, быстро соображающего – в командиры, сдержанных и хладнокровных – в наводчика и замкового, сильных и проворных – в снарядного, упряжного и подносчика. И через три дня – свобода! Двинусь дальше».

– Расчет, подойти к орудию. Слушать сюда! – Лотар начал знакомить бойцов с матчастью. – Артиллерийское орудие есть огнестрельное, ствольное оружие. Его предназначение... – он говорил, а сам незаметно, исподлобья то и дело бросал взгляды на стоящую поблизости Ясминэ.

Зеленый Вихрь и Ясминэ еще какое-то время понаблюдали, как под четкими, отточенными движениями Лотара пушка словно ожила: ствол заходил по сторонам, направляя нос то вверх, то вниз, а зарядное устройство, громко клацая, хищно открывало пасть в ожидании картежи и тяжелого выстрела. Затем те же движения стали по очереди повторять бойцы.

– Мне кажется, через три дня они будут настоящими пушкарями, – кивнув в их сторону, заметил Зеленый Вихрь.

– Похоже, – Ясминэ кивнула головой. – Знаешь, у меня чувство, что чужеземец каким-то образом может сильно помочь нам, – неожиданно сказала она.

– Странно, но я думаю то же самое, – задумчиво глядя на копошащихся у пушки бойцов, согласился с ней старший брат. – Офицер Лода, ждем вас на ужин, – напомнил он Лотару.

* * *

В городе-крепости Ланьчжоу царил настоящий переполох. В народе никто толком ничего не знал, но слухи, один ужаснее другого, плодились с невероятной быстротой.

«В степи их тысяч сто, не менее... Вот-вот штурм начнут... Всех аратов уже перерезали... Маньчжурский офицер с отрядом вышел на разведку и пропал... О, духи небесные! Спасите и защитите нас!»

В ямыне совсем иссохший от опиума Чжан Сяолунь собрал своих чиновников и военачальников.

– Что происходит? Кто знает обстановку? Где полковник Тун Бао? – потребовал он разъяснений.

– Наша разведка далеко не выдвигается. Опасно. Кругом дунганские засады, – стал докладывать командир гарнизона. – Полковник Тун Бао, видимо, погиб от рук мятежников. Монголы сообщили, что дунган просто не сосчитать. Они идут в Кашгарию. Командует ими Зеленый Вихрь. Их лагерь в десяти-пятнадцати ли от нас.

– Опять этот злодей, – зло прошипел Чжан Сяолунь. – Я напишу генералу Мао письмо о срочной помощи. Немедленно отправьте с гонцом по секретной тропе. Сколько запасов в городе?

– Хватит на месяц, – доложил один из чиновников.

– А на заставе?

– У них рассчитано на три месяца.

– Итак, командиру гарнизона приказываю организовать круглосуточную оборону. Ворота держать закрытыми. Въезд и выезд только по особым разрешениям. Нам главное продержаться до подхода армии генерала Мао.

* * *

К вечеру Лотар чувствовал себя как после изнурительного марш-броска, всегда внезапно устраиваемого полковым командиром Фредериком фон Манштейном. Он еле держался на ногах, и если бы не возможность еще раз повидать Ясминэ, то однозначно нашел бы причину отказаться от ужина. Но ему хотелось лучше взглядеться в нее, запомнить и унести в памяти тонкую, дикую красоту мятежницы. Так странник, изнывавший в пустыне от смертельной жажды, всю оставшуюся жизнь носит в себе воспоминание о спасительном оазисе с родниковой водой.

– Садись, гостем будешь, – просто и с уважением Зеленый Вихрь посадил Лотара за скромно накрытый стол. Рядом расположились ахун Ма Щинло с двумя своими командирами, Мусой и Лосаном. Ясминэ за столом не было. Она сидела в стороне. «Женщинам на Востоке не полагается сидеть рядом с мужчинами», – это правило Лотар знал уже давно.

Ланьчжоуская лашша с приправами быстро насытила животы.

– Удивительно вкусно! – восхитился едой Лотар и, прикрыв ладонью чашку, показал, что отказывается от добавки.

– Ясминэ, принеси чай, – попросил Зеленый Вихрь.

Взяв в руки пиалу, он повернулся к Лотару:

– Твой план с заходом в тыл очень понравился всем. Но, к сожалению, ничего не выйдет.

– Почему?

– По горам невозможно передвигаться. На каждом шагу осыпь, обвалы и камнепад. Так монгол-конокрад сказал.

– Вы верите ему?

– Да. Но на всякий случай мы решили перепроверить. Брат Лосан лично пытался там пройти. Ничего не получилось.

– Мм-да... И что вы решили?

– Наш план таков. Мы атакуем заставу, отвлекаем гарнизон на себя, а в это время обоз быстро проходит ущелье.

– Позвольте задать вам пару вопросов, если можно.

– Конечно.

– Сколько у вас бойцов? И сколько на заставе?

– Я решил быть с тобой откровенным. И ничего скрывать не буду. Вы не против? – Зеленый Вихрь обернулся к ахуну, командирам, Мусе и Лосану.

– Нет... Нет... Нет...

– У меня пять тысяч, две тысячи у ахуна. У маньчжуров две с половиной тысячи в горах и три сотни у пропускного пункта.

– А пушки где?

– В горах.

– И сколько их?

– Маньчжур говорит, сто.

– По моим подсчетам, пятьдесят, – вставил Лосан.

– Какие винтовки у солдат? Современные или фитильные? – продолжил спрашивать Лотар.

– Вот этого я не знаю, – в ответе Лосана прозвучала досада.

– Так... – Лотар задумался.

В палатке повисла тишина. Слышалось лишь дыхание и сопение людей.

– Только Всевышний может знать всё наперед, – перебил тишину ахун.

– Он-то, конечно, знает, – согласился с ахуном Лотар. – А вот военная наука учит всё просчитывать заранее, – добавил он.

– И ты уже всё просчитал? – вставил вопрос Муса.

– В целом, да. Для наступления в горах необходимо иметь как минимум пятикратный перевес в живой силе, включая артиллерию, которой у вас практически нет. Другие доводы даже приводить не стоит.

– Выходит, мы обречены? – постукивая пальцами по столу, выдавил из себя Зеленый Вихрь.

– Почти.

– Почему почти? – Зеленый Вихрь замер.

– Потому что последней умирает надежда.

– Ну, а мысля какая-нибудь имеется? – почесывая пятерней затылок, спросил Муса.

– Чтобы принять верное в таком случае решение, обычно требуется: первое – рекогносцировка местности...

– Что? – вырвалось у Мусы.

– Осмотр и изучение местности, позиций врага...

– Ага. Этим займется Лосан... – снова перебил его Муса и тут же услышал предупредительное покашливание со стороны Зеленого Вихря.

– Во-вторых, с целью выявления слабых или, наоборот, опасных участков обороны, а также скрытых огневых точек противника проводится тактическая разведка боем. Только после этого создается заключительный план, – подытожил Лотар.

В это время в палатку вошел один из «неприметных». Он подошел к Зеленому Вихрю.

– У гонца из города перехватили, – тихо произнес он и передал скрепленное печатью Чжана Сяолуня письмо Зеленому Вихрю. Он вскрыл, быстро прочитал его и передал ахуну.

– Окружной правитель срочной помощи просит. Ждет штурма. Пишет, что нас не меньше ста тысяч, – усмехнулся Зеленый Вихрь. – На город отвлекаться не будем, – добавил он.

– Однако мы должны что-то делать, не так ли? – заметил ахун.

– Да. Завтра утром проведем разведку боем. Ваши отряды, – он обернулся к ахуну и его командирам, – прикроют нас с тыла от возможного удара городского гарнизона. По ходу боя проведем эту самую ры-кы-гы-ны-сыровку. Лосан, зарисуешь всё до последнего камушка.

– Сделаю, – охотно отозвался Лосан.

– Вот это дело! – оживился Муса.

– Офицер Лода, продолжишь обучение пушкарей!

– Есть продолжить обучение, – кивнул головой Лотар.

– Иди отдыхай, – отпустил его Зеленый Вихрь. – А мы здесь кое-что еще обсудим.

За ужином Лотару удалось хорошенько рассмотреть Ясминэ. Своими миндалевидными глазами, длинными, пушистыми ресницами над слегка выдающимися мелкими скулами, светящейся, как гладкая яшма, кожей и редким в этих местах остреньким носиком она отличалась и от лимонно-бледных ханьских красавиц, и от смуглых уйгурских див, и от луноподобных монгольских кочевниц. В ней явно прослеживался букет самых различных кровей. «Ну, ханьская кровь в ней есть однозначно, – подумал про себя Лотар, медленно прогуливаясь по лагерю. – А вот какая еще? Просто интересно... Эх, жаль, не умею рисовать», – вздохнул он. Добравшись до места своего ночлега, растянулся на туго набитом соломой матраце и поплотнее укрылся засаленным ватным одеялом. Прямо над ним висела Полярная звезда. «Мой маяк, – подумал Ло-

тар. – Если командир Эбду не обманет, то через денек-другой снова в дорогу. А что же с ней будет? Как сложится ее судьба?» – задумался он и с этой мыслью провалился в глубокий сон.

Проснулся Лотар от неожиданного шума. Совсем неподалеку от него раздавались громкие отрывистые команды, ржали и фыркали кони, в лагере поднялся людской гвалт с плачем проснувшихся детишек. «Господи, что это?! Нападение?!» – вскочил он на ноги, протирая глаза. Над вершинами гор только-только занимался рассвет, и поле всё еще было окутано густыми сизыми сумерками.

– На пост пошли. Бисимиллях! – раздался нежный девичий голос прямо под ухом. Лотар резко обернулся. Рядом стояла Яминэ. «А-а-а, они ведь атаку на заставу решили провести», – вспомнил он.

– Да поможет им Бог, – прошептал Лотар вдогонку покидающим лагерь отрядам.

– Сегодня я за тобой присмотрю, – сдвинув для серьезности брови, предупредила она.

– Я не убегу.

– Обещания нынче ничего не стоят.

– Наверное, ты права. Но я на самом деле никуда не собираюсь бежать. Через день пушкари будут готовы, и командир Эбду отпустит меня. Или нет?

– Он всегда выполняет обещания.

– Раз так, то ты можешь заняться более нужными делами. А то это выглядит довольно-таки смешно.

– Ничего смешного. Слышал, сколько дают за твою голову?

– Ах, вон оно в чем дело? А мне казалось, я здесь в безопасности.

– От предательства нельзя отгородиться.

– Ну да. Везде свой Иуда найдется.

– Кто это?

– Ученик, предавший своего учителя.

– А брата однажды предал учитель.

– Тоже печально.

Яминэ ничего не ответила, и Лотар взглянул на нее. Алеющий восток мягко освещал ее тонкие черты лица. Сжав губы, она неотрывно смотрела на выдвигающихся в поход бойцов. От топота тысяч конских копыт дрожала земля. «Верно, с ними мечтает пойти. Боевая девица. Но вряд ли брат позволит ей эдакое», – подумал Лотар.

– Как я хотела бы быть с ними, – прошептала она.

– Война не женское дело, – заметил он.

– Шахиды не делятся на мужчин и женщин.

– Это кто?

– Они, – она кивнула на последние уходящие группы всадников. Затем, быстро осмотревшись по сторонам, повернулась к Лотару. – Офицер Лода, идем продолжать обучение.

– Слушаюсь, командир Яминэ.

Отсутствие Громовержца Хасанзы, отправившегося в бой, не сказалось на дисциплине шестерки пушкарей, которые, получив свои номера, теперь отработывали закрепленные за ними навыки. Ни один из канониров не захотел ходить под номером четыре, что совсем не удивило Лотара. Четыре у ханьцев созвучно слову «умирать», и кто же в здравом уме согласится на такое? «У них с ханьцами даже суеверия одинаковы, – сказал он себе. – Чем же тогда они, кроме религии, отличаются друг от друга?»

Лотар наблюдал за Яминэ и замечал, как она изнывает от тревоги за брата, но в то же время не спускает глаз ни с него, ни с любопытствующих зевак,

среди которых оставалось много охраняющих лагерь вооруженных бойцов. Однако время от времени она отстранялась от реальности, и ее, по-видимому, охватывали страхи, фантазии, порождаемые неизвестностью. В эти мгновенья она видела залитое кровью поле боя, где над грудями тел кружат хищные грифы, и она, отгоняя огромных, с кусками человеческого мяса в горбатых клювах птиц, пытается отыскать останки своего старшего брата. А возможно, виделось ей, что с легкой победой возвращаются радостные бойцы на летящих под зелеными знаменами конях. В такие моменты лицо ее покрывалось либо скорбной тенью, либо озарялось ангельским светом. Ничто не скрывалось от взора Лотара, и он, казалось, переживал эти мгновенья вместе с ней, то хмурия брови, то сияя в улыбке. Канониры никак не могли взять в толк, что же происходит временами с их наставником, и дружно решили про себя, что у чужеземца явно не всё в порядке с головой.

Вместе с рано наступающей в степи темнотой Лотар закончил занятия. В это время в лагерь уже возвращались боевые отряды. Первыми появились бойцы ахуна. Ахун и его командиры быстро спешились и отправились к себе. На их лицах читалась глубокая озабоченность и тревога. Следом подошли отряды Зеленого Вихря. Ясминэ кинулась к брату. Он спрыгнул с коня, легонько обнял, прижал ее к себе.

– Я так переживала за тебя, – прошептала она.

– Со мной всё хорошо. Но много наших братьев погибло, – он выглядел чрезвычайно удрученным.

– Всё плохо? – Ясминэ взглянула ему в глаза.

– Еще хуже, чем я представлял, – Зеленый Вихрь всегда говорил ей правду.

Лотар, стоявший неподалеку, сразу же обратил внимание на тревожное, подавленное состояние Зеленого Вихря. «Если такой сильный человек не может скрыть свои эмоции, то у них действительно серьезные проблемы. Что же произошло?»

А случилось следующее... Глубокой ночью отряд «неприметных» во главе с Мусой двинулся вперед, чтобы расчистить дорогу основным силам. День до этого они отслеживали все секретные посты врага на подходе к главному пропускному пункту и теперь, под покровом ночи, бесшумно подкрадывались к ним. Императорские солдаты, несмотря на грозные предупреждения унтер-офицеров, как всегда, беспечно спали на своих боевых местах, и потому заколоть и перерезать им глотки большого труда не составило.

На пропускном пункте с дисциплиной было еще хуже. Развращенные взятками и будучи под защитой горной заставы, солдаты чувствовали себя в полной безопасности и проводили время, как обычно, за карточными играми с пьяными кутежами. В то раннее утро, когда к ним подходили дунганские повстанцы, они беззаботно дрыхли, как говорится, без задних ног. Отряды Зеленого Вихря двигались тремя колоннами. По оврагам и высохшим руслам рек командиры вывели их почти вплотную к нужному месту. Два отряда стояли на флангах и один в центре. Все застыли в ожидании сигнала к атаке.

Как только отряды ахуна показались у стен города и дали залп из винтовок по высыпающим на крепостные стены караульным солдатам, Зеленый Вихрь, выхватив из ножен меч, отдал приказ к наступлению. Тут же степную тишину разорвал грозный, сеющий страх и смерть боевой клич дунганских повстанцев: «Аллаху акбар!»

Стремительная атака конницы показалась ханьским солдатам жутким черным смерчем среди ясного дня. Бросив в страхе оружие, они кинулись в поисках спасения к горной заставе. Но всадники перерезали путь к отступлению, и окружив их, завели, завертели смертельную карусель. Началась беспощадная кровавая сеча.

На горной заставе тут же загремел огромный барабан, солдаты, подгоняемые унтер-офицерами, понеслись на свои места, навели стволы, защелкали затворами новехоньких французских винтовок. Пушкари застыли у своих древних фитильных орудий. Но куда, в кого стрелять? Все замерли в полном недоумении. Они лишь видели где-то внизу непонятную черную круговерть, сверкающие молнии стальных мечей, редкие ружейные выстрелы, а до ушей доносились отчаянные крики о помощи и леденящие души хрипы умирающих. Никто из старших офицеров не знал, как действовать в подобной внештатной обстановке. Они собрались на каменной стене вокруг начальника заставы Линь Цзяня. Он только сейчас вспомнил, что в последние часы отсутствовал обязательный обмен сообщениями между заставой и городом. «Наверняка посылных перехватили мятежники. Возможно, и город уже в их руках. Но нас так просто они не возьмут. Пусть только сунутся», – решил он про себя. А вслух громко произнес:

– Командиры! Мы уже ничем не можем помочь солдатам там, на первой линии. Помните, наша основная задача не пропустить врага через ущелье. Всем действовать по предписанному плану. Да помогут нам Небесные духи!

Покончив с солдатами на пропускном посту, Зеленый Вихрь начал атаку на заставу. Спешившись и уведя лошадей в укрытие, два батальона повстанцев двинулись вперед на расположившихся за каменной стеной солдат восьмизнаменной маньчжурской армии. Двигались повстанцы медленно. Пока одни производили ружейные залпы, другие успевали подняться на несколько метров вверх. Застава молчала. А вот когда все бойцы дружно поднялись и, огласив воздух боевым кличем, кинулись вперед, темные проемы бойниц в мгновение ока превратились в смертельные, огненные пасти драконов. Из них извергся оглушительный залп ста пушек и тысяч винтовок. Два десятка бойцов навсегда полегли среди холодных камней. Еще столько же получили ранения и с громкими стонами лежали в ожидании помощи.

– Отходим! – пронеслось по склону горы. Бойцы кубарем, не подымая голов, покатались вниз. Кто-то тянул за собой раненых, убитых.

А императорские солдаты, воодушевленные успехом, продолжали выпускать залп за залпом. Пули и ядра со свистом, звоном и грохотом неслись вслед отступающим, рикошетили от бесчисленных камней, продолжая убивать и ранить повстанцев. Наконец, выйдя из зоны поражения огнем и добравшись до своих лошадей, они смогли пересчитаться. Потери оказались огромными. Одна-единственная атака обошлась почти в полсотни убитых и раза в два больше раненых...

– Нам конец. Мы не пройдем эти проклятые Ворота, – с глубоким отчаяньем глядя на своих двух командиров, заключил ахун Ма Шинло в своей палатке.

– Ад в Саньципу... Теперь бойня здесь... Всевышний отвернулся от нас. За что? – сжав пальцы в кулаки и непрерывно дергая веками, прошептал командир Моргала.

– Надо что-то придумать. Вырвались из Саньципу, чтобы тут сдохнуть?! Нет, так не пойдет! – с трудом сдерживая волнение, высказался Рябой, маятником двигавшийся по палатке.

– Сам знаю, что не пойдет. Но что? Что можно придумать? – воздел руки к небу ахун.

– Зеленый Вихрь погубит нас всех, – вновь развернувшись, заявил Рябой.

– Согласен, – поддакнул Моргала.

– А чем, скажите, плох план того маньчжурского офицера? – остановившись на мгновение, бросил Рябой.

– Да. Чем? Да ничем. Отличная идея. А может, Зеленый Вихрь приберет голову чужеземца для себя? – провокационно спросил Моргала. – Брат Щинло, чего молчишь?

– Когда речь идет о спасении своей жизни, то всё может быть. Не дергайте меня, я думаю, – отозвался ахун.

– Так думай побыстрее. А то через пару деньков думать нечем будет, – Рябой явно не церемонился с ахуном.

– Ну что ж. Вы правы. Предложение маньчжура – это рука Всевышнего, протянутая для нашего спасения.

– Правильно, – в один голос поддержали его командиры.

– Если Зеленый Вихрь будет против, сделаем это без него. Я уверен, народ встанет на нашу сторону, – решительно закончил обсуждение ахун Ма Щинло...

В штабной палатке настроение было не лучше. Командиры сидели молча, словно обреченные на скорую неминуемую гибель. Зеленый Вихрь с потухшим взглядом отстраненно смотрел в никуда. Никто даже не дотронулся до еды.

– Много погибло? – сочувственно спросил Лотар Зеленого Вихря.

– А-а-а... Это ты... – не оборачиваясь к Лотару, проговорил Зеленый Вихрь. – Нам не пройти Пасть дракона, – мрачно добавил он.

– Пока дышу, надеюсь. Так говорили еще древние греки, – попытался подбодрить людей Лотар.

– Офицер Лода, ты свободен. В одиночку ты сможешь обойти заставу. Сначала подымешься по южному склону высоко в горы, затем спустишься вниз и, если повезет, дойдешь до русских, – подняв голову, проговорил Зеленый Вихрь.

– Я еще не закончил обучение орудийного расчета, – неожиданно ответил Лотар.

– Вряд ли твоя заморская пушка спасет нас, – грустно усмехнулся Зеленый Вихрь. – А вообще-то, пока ты еще здесь, давай, расскажи, за что все-таки решил убить генерала?

Завершающий рассказ Лотара с некоторыми воспоминаниями, не сказанными вслух

Три месяца, отмеренные мне на обучение канониров, пролетели быстро. Еще бы. Каждый день с раннего утра строевая. Затем матчасть, занятия с наводчиками, обучение командиров батарей и рот. И так до ранних вечерних сумерек. А с их приходом начиналась другая, ночная жизнь. Ван Юлинь погрузил меня в утонченно-изоциренный мир китайских греховных удовольствий. Они подобно нежнейшему шелку обволакивали ум и тело, словно невесомые пушистые облака уносили потерянную душу ввысь и, как тяжелые морские волны, погружали обессиленное тело в холодную темную бездну.

Нередко приглашал к себе в гости и генерал Мао. Обычно это были роскошные ужины в узком кругу его боевых друзей. Но зачастую мы оставались вдвоем. Его очень интересовали всевозможные технические новинки, особенности в подготовке современной европейской армии.

– А кто ваш величайший полководец? – однажды спросил он.

– Наверное, Наполеон Бонапарт, – не самое лучшее отношение к французам не помешало мне, однако, признать великие заслуги этого человека.

– Почему твой выбор пал на него? Сколько побед одержал и сколько поражений потерпел он?

– Он велик не одними ратными подвигами. Ему удалось заложить основы самого современного и передового государства в мире.

– Разве военный человек должен заниматься устройством государства?

– Не обязательно. Но великий полководец не может оставаться в стороне.

Широта его видения обычно выходит за рамки окуляра подзорной трубы.

– Хм-мм... Высокие сановники не склонны прислушиваться к словам тех, от кого пахнет порохом и потом.

– Наполеон частенько сталкивался с подобным к нему отношением. И поэтому, начав свою карьеру младшим лейтенантом от артиллерии, он через двадцать лет стал императором, чтобы более не спрашивать вельмож, какой должна быть его страна.

– Какая личность! – с восторгом воскликнул генерал. – Он по-прежнему император Франции?

– Нет. В решающей битве при Ватерлоо фортуна отвернулась от него. Его сослали на крошечный остров посреди огромного океана. Там он и умер полвека назад.

– Подняться на небесную высоту и пасть на острые скалы. Его судьба не пробуждает зависти, она вызывает восхищение.

Жизнь, взлет и падение великого корсиканца захватили воображение генерала не на шутку. При каждой новой встрече мне приходилось напрягать память, чтобы вспомнить и рассказать о его многочисленных боевых походах, сражениях, реформах государственного переустройства. Глядя на задумчивого в такие минуты генерала, мне казалось, что узнай он о Наполеоне в свои молодые годы, то несомненно захотел бы стать подобным. А сейчас... набежавшие под глаза морщины, глубокие складки у рта, спрятавшиеся под седыми усами, редкие искры в глазах выдавали усталость амбициозного человека, страдавшего всю жизнь от недопонимания и недооценки. Чуть позже я понял, что свое чувство неудовлетворенности он компенсировал необычайно звериной жестокостью.

Наступившая зима, ввиду ее мягкости и малоснежности, не внесла каких-либо изменений в размеренную лагерную жизнь. В один из таких дней я отправился на конную прогулку по местным окрестностям в компании доктора Хуа Третьего. Он явно хотел показать что-то интересное и вел меня извилистыми тропами к какой-то только ему известной цели. Перемахнув через пару холмов и покинув нашу уютную долину, мы двинулись вдоль звенящей меж огромных валунов речки к складкам невысоких скалистых гор.

– И что интересного поджидает нас? – с любопытством спросил я.

– Пещеры буддистских монахов. – прозвучало в ответ.

– Как? Они живут там? – с удивлением на лице я внимательно посмотрел в сторону гор, окрашенных в необычный красноватый цвет.

– Нет. Они жили там две тысячи лет назад, – улыбнулся доктор.

– Невероятно, – произнес я, пораженный древностью китайской цивилизации. – Значит, вы поклоняетесь Будде?

– Не совсем, – и, заметив мое легкое непонимание, добавил: – Видите ли, в Китае имеют признание три основные религии: конфуцианство, даосизм и буддизм. Они дополняют друг друга и тем самым не вызывают никаких противоречий. У нас говорят так: китаец рождается как даос, живет как конфуцианец, а умирает как буддист.

«Странно как-то... Но очень прагматично», – подумал я про себя.

В это время к нам подсказал унтер-офицер из сопровождавшей нас охраны. Я сразу узнал его и вспомнил жестокое убийство им несчастного пленного дунганина.

– Дальше нельзя. Там могут быть дунганские повстанцы, – остановил он наше медленное продвижение к пещерам. Так и не побывав в них, мы вернулись в лагерь.

Однажды на плановых учебных стрельбах появился генерал Мао. Расчеты работали слаженно, командиры батарей отдавали четкие команды, снаряды ложились почти точно у заданных целей. Генерал пребывал в преотличнейшем состоянии.

– Наставник Ла-нэ-го, с завтрашнего дня вся армейская артиллерия выдвигается к Саньципу. Там сложилась очень тяжелая обстановка, – его слова стали для меня неожиданностью.

– Но расчеты еще не до конца готовы, – попытался возразить я.

– Есть одна военная премудрость: лучшее обучение – это поле битвы.

– Не смею возражать. Здесь командуете вы, господин генерал.

– Наставник, вы проделали прекрасную работу, и я решил достойно отблагодарить вас за это, – уважительно произнес он в ответ. – До вечера.

«Неужели моя миссия закончилась? – Что-то не верилось мне в такое чудо. – Ладно, дождемся вечера».

Вечером, после изысканного ужина, генерал подал рукой знак охране. Тут же распахнулись двери, и появился человек, облаченный в длинный темно-синий халат с круглой черной шляпой на голове. В вытянутых вперед руках он осторожно нес что-то наподобие широкого подноса. Накинутый сверху кусок красного шелка скрывал некий, довольно-таки объемный предмет. С неподдельным интересом я следил, как он установил поднос на столе и, отступив на два шага, застыл в почтительном поклоне.

– Наставник Ла-нэ-го, сегодня я обещал вам подарок за прекрасно проведенную работу. Так вот, он перед вами. Покажете его друзьям, – после этих слов рука генерала плавно изогнулась в воздухе, указывая, что мне следует смахнуть накидку.

Я, не колеблясь, подступил к столу и откинул красный шелк в сторону. Скажу честно, у меня от увиденного перехватило дыхание. Передо мной лежал миниатюрный, искусно выполненный макет залива Виктории. Его синие воды подступали к зеленым холмам, на одном из которых стояла огороженная стеной из серого камня двухэтажная фанза. Крыша с изогнутыми завитками карнизов словно парила в воздухе. Внутренний двор украшал пруд с перекинутым через него мостиком, а на берегу белела ажурная беседка. «Что это значит?» – едва промелькнуло у меня в голове, как раздался ответ, словно генерал читал мысли.

– Не удивляйтесь, мой друг. Это ваш дом. Он уже ждет вас.

– Благодарю вас, господин генерал. Неужели моя скромная работа достойна такого воистину императорского подарка?

– В Китае умеют ценить талант людей. А сейчас самое главное, чтобы подарок пришелся вам по душе. Тогда и его автор, господин Кун Лаоци, будет рад своему творению, – рука генерала указала на господина в черной шляпе.

– Невероятный, великолепный дом. Он не может не нравиться. Я не знаю, как выразить свою благодарность, – совершив глубокий поклон генералу, я обернулся к архитектору. – Вы создали настоящий шедевр, – ему я отвесил не менее почтительный поклон.

– Дом – основа жизненного счастья. Он якорь корабля, вошедшего в тихую гавань. Надеюсь, в нем вы проведете лучшие годы своей жизни, – пожелал мне архитектор.

Дом и на самом деле мне очень понравился. Даже на макете от него исходило чувство уюта, умиротворения, покоя. «Хм-мм... Неужели здесь, на другом конце земли, я найду свое пристанище... Хотя, почему бы и нет? Вон, обживаются же англичане там. И весьма, кстати, основательно», – зацепилась в моей голове шальная мысль.

В это время слуги наполнили чашки ароматным вином. Генерал наговорил еще много лестных слов. За ним и другие стали восхвалять меня и поднимать чашки с вином. А я, честно говоря, уже загорелся перспективой въехать в собственный дом. Несколько раз внимательно осматривал макет со всех сторон, любовался маленьким чудом и не мог поверить, что это может принадлежать мне. На шутку или розыгрыш сей подарок совсем не походил, да и генерал человеком был весьма серьезным. С непростыми мыслями я ушел в тот вечер в свои спальные покои.

Рано утром меня разбудили гроыхающие удары боевых барабанов. Наша учебная часть пришла в движение. Я вспомнил, что артиллерия выдвигается на боевые позиции к какому-то месту, название которого напрочь вылетело из головы. Где это? Далеко или близко, я себе не представлял. Да и какое мне теперь до этого дело. Мой контракт на этом заканчивается. Или?.. Вот это самое «или» и появилось в лице как всегда с иголки одетого адъютанта Вана.

– Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го, генерал Мао имеет желание переговорить с вами, – вежливо доложил он.

Мы направились к шатру генерала мимо выстраивающихся в боевую колонну артиллерийских орудий, повозок с боеприпасами и провиантом. Мои канониры улыбались и радостно махали мне рукой.

– Наставник Ла-нэ-го, – обратился ко мне стоящий у своего шатра генерал, – вы вызываете у меня чувство зависти.

– С чего бы так, господин генерал?

– Посмотрите, с какой любовью мои солдаты приветствуют вас. Вы завоевали их сердца.

– Мы просто вместе дружно и на совесть поработали.

– Буду откровенен. Мне очень хочется, чтобы вы не бросали их в минуту предстоящих тяжелых испытаний, а еще какое-то короткое время провели с ними. Они нуждаются в вас. Я вижу и чувствую это. А после вы отправитесь в свой уютный дом и там уже решите, когда возвращаться на родину.

«Генерал отнесся ко мне со всей душой, преподнес такой подарок, а я брошу не до конца подготовленных учеников...», – подумалось мне.

– Хорошо, давайте договоримся так. Я покину вас, как только буду считать, что ваша артиллерия готова обходиться без меня, – вслух произнес я.

– Прекрасно! Слова истинного наставника! – с радостью воскликнул генерал.

Так я оказался вблизи города Саньципу. После прибытия на новое место вместе с генералом Мао и офицерской свитой мы выехали на передний край наступления маньчжурской армии. Кругом виднелись заброшенные, запущенные, заросшие камышом рисовые чеки, чахлые рощицы с поникшими деревьями, из которых доносился жизнерадостный птичий гомон. А за ними возвышались десятки огромных глиняных сооружений.

– Что это? – я с любопытством указал на них рукой.

– Оборонительные крепости. Шестьдесят штук. Соединены подземными ходами. За ними город. Скоро год, как здесь стоим. Ни одну еще не удалось взять, – ответил генерал.

– Обойти никак? – спросил я.

– Нет. С одной стороны нам мешает Желтая река, с другой безжизненные земли, где совсем нет воды. Тыловое обеспечение там невозможно. Но и им бежать из города некуда.

– Понятно, – ответил я. Затем достал свою подзорную трубу и припал к окуляру. Все крепости выглядели одинаково. Высокие глинобитные стены толщиной не менее двух метров с бойницами и башнями на углах укрыва-

ли просторные дворы, в которых находился гарнизон, склады с провиантом, колодцы. Выстроенные в цепь крепости надежным щитом преграждали путь наступающей армии генерала. Подступы к ним были усеяны скрюченными трупами солдат, тушами вздувшихся лошадей и стаями крикливых ворон.

«Так вот для чего ему нужны наши пушки. Ну да, конечно. Из своих пукалок они могут только ворон распугивать. Вон, их железными ядрами стены утыканы, как дрезденский штоллен изюмом».

– Насколько я понимаю, вы хотите разнести вдребезги эти укрепления, – высказал я вслух свое соображение сидящему рядом в седле генералу.

– Верно. А вы, несомненно, хотите вернуться домой с контрактом. Не так ли?

– Да. Наша компания рассчитывает на долговременное сотрудничество с вами.

– Буду с вами предельно честен. Как только пушки Крупша сровняют эти чертовы крепости с землей, я собственноручно подпишу контракт на две тысячи орудий.

– Это будет контракт века. Однако чем я могу помочь?

– Своими знаниями. Вы же военный офицер, не так ли?

– Да. Но я не участвую в военных действиях. Это мой принцип.

– И не надо. Вы просто поделитесь с нами тактикой действий. И я сам, честно говоря, буду весьма рад поучиться у вас.

– Уважаемый генерал, это, конечно, огромная честь для меня – видеть вас в своих учениках. Но мой контракт не предусматривает оказания подобных услуг.

– Так, а если мы его слегка пересмотрим и внесем кое-какие дополнительные пункты? – хитро прищурившись, предложил генерал.

– Например? – спросил я, поддавшись, несомненно, присущему генералу обаянию.

– Помимо дома, который уже ваш, предлагаю премиальную сумму в два раза выше предусмотренного вашим договором, – озвучил своё предложение генерал.

– Хм-м... звучит чрезвычайно заманчиво. Я должен подумать, – прозвучал мой ответ.

– Благодарно, – кивнул он головой, и мы отправились назад в расположение лагеря.

Вопросы, сомнения, самоубеждение. Именно в таком порядке всю ночь выстраивался мой ответ. И наутро он был готов. Я сказал «да».

План разрушения крепостей не требовал никаких особых знаний. Прописные истины из военных учебников. Но для офицеров цинской императорской армии, глубоко застывшей на уровне раннего средневековья, мои указания казались равными наставлениям сплывшегося с облаков небесного мудреца.

– Итак, для разрушения крепостных стен необходимо вывести орудия на дистанцию прямой наводки. Это от одного до полутора ли. Для плотности огня потребуется сдвоить батареи. Применять только фугасные снаряды. При наступлении противника немедленно переходить на шрапнельные. Для защиты каждой батареи выделить не менее одного стрелкового батальона. – Свои объяснения я подкрепил для наглядности схемами-рисунками на большом листе белой бумаги. – Разрушенные стены я вам гарантирую. Ну, а далее – дело ваше, – я обернулся в сторону генерала.

– А там мы сами разберемся, – ответил он, неспешно разглаживая рукой усы.

Вскоре батареи стали выдвигаться и окапываться на боевых позициях. Тыловики организовали подвоз снарядов. Стрелковые батальоны создавали защитные редуты. Воодушевленный генерал Мао лично объезжал и осматри-

вал готовность. Повстанцы, встревоженные необычными приготовлениями маньчжуров, попытались провести несколько внезапных разведывательных рейдов, но были тут же отогнаны дружными залпами стрелков, укрытых за земляными валами.

А еще через несколько дней с восходом солнца начался обстрел крепостей. Внезапный грохот сотен орудийных залпов распорол морозную тишь. Короткий свист летящих снарядов завершался глухими взрывами тяжелых фугасов, разносящих вдребезги крепостные стены, словно глиняные горшки, подымая при этом в воздух густую желтую пыль. После получаса неистовой пальбы всё резко стихло. И в этой тишине как-то зловеще звучало фырганье тысяч коней и позвякивание их железных удил. Построенные в батальонные коробки всадники молча ждали приказа на штурм. Командиры, в свою очередь, не отрывали глаз от штабной палатки генерала. А сам генерал в нетерпении ожидал, когда осядут, развеются ветром всклубившиеся, закрывшие солнце облака плотной пыли. Наконец прояснилось, и его взору предстала картина, о которой он даже не мог и мечтать: казавшиеся неприступными стены превратились в груды глины, а деревянные гарнизонные постройки, охваченные пылающим огнем, взметали вверх длинные извивающиеся языки пламени и столбы синего дыма.

– Вперед! В атаку! – отдал генерал приказ, и тут же загрели барабаны, забили медные гонги, высоко в воздухе взвились шесты с сигнальными флажками.

Быстро набирая скорость, с оглушительным свистом, криком, сорвалась с места кавалерия. За ней бодро потянулась пехота, на ходу выкрикивая боевые возгласы. Через короткое время, не встретив никакого сопротивления, войска ворвались в разрушенные крепости. Но и там не прозвучало ни выстрела, не вылетело ни одной стрелы. Повстанцы словно растворились или провалились сквозь землю.

– Куда они подевались? – вопрошали командиры и солдаты друг друга.

– Искать подземные ходы! – прозвучала команда, подоспевшего генерала Мао. – Они не успели далеко уйти.

Однако его поджидало разочарование.

– Господин генерал, мы обнаружили подземные лазы. Но они засыпаны землей.

– Мерзавцы... Всё предусмотрели, – злобно прошипел себе в усы генерал. Затем обернулся к выстроившейся перед ним свитой. Я был в их числе. – Отличная работа, господин наставник. Поздравляю вас!

– Я очень рад, что обошлось без большой крови, – прозвучал мой ответ.

– Ну, а теперь нас всех ждет последнее логово врага – город Саньципу! – Генерал огласил следующую цель и указал рукой в затянутую песчаной пеленой даль.

Вечером началось пиршество, посвященное взятию крепостей. Оно длилось три дня и три ночи, а пышность и роскошь, как всегда, поражали воображение. Но запомнилось мне оно совсем другим. К вечеру третьего дня, когда все уже изнемогало от излишков еды, напитков и ласок веселых певичек, ко мне приблизился неутомимый адъютант Ван Юлинь.

– Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го, мне кажется, сейчас самое время совершить одно незабываемое путешествие, – хитро сощурив глаза, предложил он.

– Что? Куда? – я никак не мог собраться с мыслями.

– Пойдем, пойдем, – адъютант по-дружески подхватил меня под локти и повел рядом с собой через гигантский генеральский шатер-дворец. Наконец, миновав с десятков больших и малых помещений, мы вошли в небольшую комнату, затянутую темно-красным шелком. В ней пахло дымом благовоний, а у стены вытянулся кожаный диван с подушечкой. Это был кабинет для курения опиума. Ах, вот куда привел меня Ван Юлинь, дошло до меня.

– Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го, – заговорил генеральский адъютант. – Несмотря на ваш еще молодой возраст, вы много путешествовали и немало чего повидали. Не так ли?

– Мир огромен, – ответил я.

– Однако он одинаков и имеет пределы. Это понимают рано или поздно даже самые страстные путешественники.

– Возможно.

– Предлагаю вам сегодня уникальное путешествие за пределы всего земного.

– Я это уже понял.

– И?

– Не откажусь.

Внутренне, честно сказать, я побаивался этого нового, незнакомого мне опыта. Но любопытство распирало. Что за тайна кроется в облачках сизого пахучего дыма? Куда уносят, погружают или возносят они человеческие души? Что за высшее блаженство ожидает обычного мирянина, раз готов он расстаться с последним, лишь бы еще раз прочувствовать его?

Пока я размышлял, слуга придвинул к дивану черный лакированный столик, отделанный перламутром, аккуратно установил на него лоток с принадлежностями для курения: обрамленную серебром трубку из слоновой кости с чашечкой из цветного фаянса, стеклянную лампаду и длинные металлические иглы, на которые накальваются мелкие, темно-коричневые шарики опия, ровными рядами разместившиеся в миниатюрных фарфоровых ларцах.

– Это трехгодичный опиум из Кашгара... Чем дольше он хранится, тем ценнее становится, – пояснил адъютант Ван.

– Его только курят или?..

– Где-то принимают в виде пилюлей. В том же Кашгаре его заваривают как чай. Правда, маковые головки. Я видел, как кандагарские купцы смешивали опий с табаком и курили через водяной кальян. Но ярче всего его действие проявляется при курении именно нашим способом.

– Занятно, – кивнул я головой. Слуга в это время начал жестами показывать мне, чтобы я прилег на диван и положил голову на невысокую твердую подушку. Затем он обвел меня оценивающим взглядом и, видимо, остался чем-то недовольным, потому что, повернувшись к Ван Юлиню, быстро затараторил на трудно понимаемом мною южном диалекте, время от времени тыкая в мою сторону пальцем.

– Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го, он говорит, что ваш мундир слишком туго обтягивает тело. Надо расстегнуть его и снять сапоги, иначе тело не расслабится.

После того как я выполнил его требование, меня охватило легкое напряжение. Слуга тут же заметил его и, приблизившись, положил ладонь своей правой руки мне на грудь, а пальцы левой на шею. В такт моему дыханию он произвел несколько мягких нажатий и отошел обратно к столику возжигать опиийные шарики. На удивление, напряжение исчезло, я чувствовал себя вновь спокойно, а нос уловил приятный, сладковатый запах дымка.

После первых затыгов я не почувствовал ничего особенного. Возможно, сказывалось волнение, с которым я ожидал каких-то внезапных ощущений. Втягивая дым тлеющего шарика в очередной раз, я подумал: «Хм-м, надо еще больше расслабиться, иначе так ничего и не пойму». Затем проскочила другая мысль: «А вообще-то мне и так неплохо». Тем более, откуда-то стала доноситься органная музыка Баха. Я хотел было обвести глазами комнату и обнаружить её источник, но свинцовая лень, растекшаяся по всему телу, лишила желания совершать какие-либо движения. Бах зазвучал медленнее привычного, музыка стала распадаться на отдельные, летающие в воздухе ноты: до, ре, ми...

«Ба, да ведь это просто набор звуков, – поразился я неожиданному для себя открытию. – Как же композитор собирает их воедино, чтобы они обретали такую гармонию, которая начинает обжигать, пронзать человеческие души?.. Ах, да, душа человеческая... А она-то, по сути, ничто. Никем не видимая необъяснимая субстанция. Никто не знает даже, где она обитает. В голове? В сердце? В крови?..» Вот такой нелепый сумбур промелькнул в голове, прежде чем та самая субстанция незаметно выпорхнула из утратившего всякий вес тела и унесла меня с собой в... никуда.

Говорят, что по пути в «никуда» люди видят неведомые страны, диковинных зверей, необычные деревья. Наверное, это так. К сожалению, я ничего этого не видел. Но отмечу одно – это не галлюцинация и не сон. Меня словно перенесли в пространство первозданного покоя, небытия и необыкновенной тишины, где не было места ни мыслям, ни желаниям, ни тревогам, где совсем отсутствовало мое беспокойное «я». Понятно, что побывав там однажды, желаешь еще и еще раз возвратиться туда. Потому на следующий день, когда появился Ван Юлинь и предложил совершить еще одно путешествие в «никуда», у меня не хватило сил отказаться. Безмолвная вселенная тянула к себе, подобно магниту, собирающему металлическую пыльцу.

– Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го, переоденьтесь тогда в это, – он протянул мне пакет в красивой обертке и, откланявшись, удалился. Открыв пакет, я обнаружил в нем дорогую шелковую одежду и мягкие сафьяновые сапожки. Однако примерить их мне не удалось, так как в дверях появился доктор Хуа.

– Да, в этом одеянии курить опиум гораздо удобнее, – произнес он, слегка улыбнувшись. – Понравилось?

– С первого раза трудно сказать.

– А вот второй раз я вам не рекомендую. Потому и пришел, – голос его прозвучал очень серьезно.

– И в чем опасность?

– В том, что, у большинства заядлых курильщиков привыкание наступало уже после второго путешествия. Таковы мои наблюдения.

– Хм-м... Большое спасибо за предупреждение.

– Вы, наверное, хотите узнать, чего ради я говорю все это вам?

– Буду не против узнать.

– Я повидал очень многих достойных людей, подсевших на опиум. Все они рано или поздно теряют человеческий облик. А интуиция подсказывает мне, что вы однозначно созданы для чего-то другого. И не дать вам потеряться в бесплодных грезах и иллюзиях, наверное, велено мне самим Небом.

Поначалу меня охватила легкая злоба на этого воистину достойного человека. «Какого черта он лезет не в свое дело?! Я и сам в состоянии решить свои проблемы. Нашелся умник великий».

– В Поднебесной трудно найти человека, не попробовавшего это зелье, – заметив промелькнувшее на моем лице раздражение, начал вновь говорить доктор. – Я не стал исключением и пристрастился к нему сразу же. С первой пробы. Каждый раз у меня возникало странное чувство – мне казалось, я вновь и вновь возвращаюсь в материнскую утробу, в единственно чистый, уютный, защищенный, ничем не потревоженный мир. И как противно было возвращаться оттуда в реальность, наполненную жестокостью и бесчисленными страданиями. Я забросил учебу, перестал посещать своего мудрого наставника. Пока в один из дней он сам не появился передо мной. «Ты думаешь, тебе удалось сбежать в лучший мир?» – спросил он меня. – «Да, учитель. Это так», – ответил я ему. «Знаешь, – сказал он, – каждая дорога в нашей жизни имеет развилку. А у той, которую выбрал ты, ее нет. Открой глаза и посмотри сюда. –

Он показал на мой грязный вонючий лежак среди прочих многочисленных мест в темной дешевой курильне. – Ты собираешься провести свою жизнь в доме без окон?» – бросив вопрос и не дожидаясь моего ответа, он ушел. Я же присел на рваный тюфяк, огляделся по сторонам. Кругом лежали истощенные, высохшие от опиума люди. На их лицах застыла странная, одинаковая для всех улыбка счастья. Она показалась мне лживой и неестественной. А до того момента я не обращал на эти улыбки никакого внимания. И вот именно это общее, одно на всех, идиотское выражение лица пронзило, прожгло меня насквозь невидимой раскаленной иглой... Я поднялся и вышел прочь. На улице светило солнце, по синеве неба плыли белые облака, из зеленой листвы деревьев доносилось неугомонное щебетанье птиц, а лица проходящих мимо людей казались мне красивее полной луны. Жизнь здесь и сейчас, а не в грезах в доме без окон. – Доктор смолк.

Я сделал пару шагов к нему и протянул руку. Он подал свою. Сжав его руку, я долго не отпускал ее.

– Нет на свете ничего дороже, чем добрый совет, сказанный вовремя. Спасибо тебе, милый доктор, – с благодарностью сказал я.

– Запомни, Ван Юлинь ничего не делает сам, – тихо прошептал доктор, покидая меня. Эти слова отпечатались в голове и встревожили меня. «Но зачем генералу подсаживать меня на опиум? Какую выгоду извлекает он от этого?.. Кстати, а что значит подаренный дом?..»

Вскоре началось наступление на Саньципу. Генерал попытался повторить ту же тактику – вывести артиллерию на стрельбу прямой наводкой. Но в этот раз ничего не получилось. Виной всему стали внезапные вылазки повстанцев. Они появлялись словно из-под земли, небольшие группы отчаянных, хорошо обученных, безжалостных воинов в черных одеждах. Через три дня из выдвинувшихся на передовые позиции частей две артиллерийские роты и батальон прикрытия были полностью вырезаны, а вдобавок к этому тяжелыми кувалдами повстанцы привели в негодность двадцать орудий. Никто не знал, как тянутся подземные ходы и откуда в очередной раз вынырнут кровожадные убийцы. Солдаты и офицеры давно не испытывали такого страха и с наступлением темноты с криком шарахались от собственных теней. Выход был один – оттянуть артиллерию назад. Но при таком обстреле, вернее, меткости ханьских канониров снаряды редко попадали в цель. Генерала словно охватила лихорадка: он впадал то в ярость, то в глубокое отчаяние. Ему не оставалось ничего другого, как продолжать осаду в надежде, что у повстанцев рано или поздно закончится провиант.

И вот в один из таких вечеров я появился на ужине в шатре генерала Мао с твердой целью определить дату своего отбытия. Но разговор как-то зашел в другую сторону и закончился неожиданным предложением со стороны генерала:

– Лотар, вы готовы проявить по отношению к невежественным варварам гуманность?

– Каждая человеческая жизнь творение божье и спасти хоть одну из них дело богоугодное.

– Ну, тогда вы можете сохранить жизнь десяткам тысяч дунган.

– И каким же это образом? – удивленно спросил я.

– У меня есть план, – прозвучало в ответ.

– Я весь внимание, господин генерал. – Мне на самом деле стало интересно, так как план генерала, на мой взгляд, рождался прямо во время нашей беседы.

– Насколько я осведомлен, вы безошибочно поражаете цели на расстоянии в три ли.

– Предположим, да.

– Мы находимся именно на таком расстоянии от города. Так вот, я начну мирные переговоры с их вожаком шейхом Ма Вэйдуном. Он фанатик веры, который, не колеблясь, расстанется с собственной жизнью. Но мне хорошо известно, что он не готов жертвовать своими близкими и своим народом, верящим в него. Поэтому я постараюсь убедить его, что сопротивление бесполезно, потому что у нас появились новые пушки, которые легко сравняют их стены с землей. А в доказательство моих слов, вы, мой дорогой Лотар, по моей команде произведете несколько прицельных выстрелов и разнесете к чертовой матери пару караульных башен на городской стене. Это, несомненно, произведет на них сильное впечатление. Я предложу им полную капитуляцию, а взамен гарантирую всем военнопленным и жителям города жизнь и свободу. Как вы смотрите на это, уважаемый наставник?

«Ну что ж, мозги у генерала работают быстро и продуктивно», – отметил я про себя.

– Мне нравится ваш план, и я готов принять в нем участие, – задумка генерала показалась мне действительно здоровой и реальной. – Однако где гарантии, что к пленным отнесутся гуманно? – вырвалось у меня, потому что жестокий нрав генерала порождал во мне определенное сомнение.

– Бог войны очень любит смерть и жертвы. Но только на поле битвы. А кровь пленным ему не интересна. Я служу этому богу и знаю, что говорю. Поэтому ни одна капля крови не оросит землю и ни один волос не упадет с голов ставших передо мной на колени. Их ожидает мир и свобода. Это мое слово! Слово генерала Мао Хунлиня! – Искренность и сила убеждения, прозвучавшие в ответе, сумели развеять мои опасения. Я поверил ему.

– Господин генерал, вы ответили более чем убедительно, и потому я принимаю ваше предложение. Однако есть одно «но».

– Да, я слушаю, – генерал слегка напрягся.

– После завершения данной операции мне бы очень хотелось сразу же отправиться на родину.

– Не вижу никаких преград. Офицер Ван Юлинь лично сопроводит вас до Гонконга, – с заметным облегчением выдохнул генерал.

Мне неизвестно, как происходил переговорный процесс. Наступившее мирное затишье никто не нарушал, и я использовал эту возможность, чтобы с точностью до метра измерить расстояние от установленной на боевой позиции батареи из четырех орудий до караульных башен на городской стене. Произведя все необходимые вычисления, я выставил прицелы и теперь вместе с со своими пушкарями и группой сигнальщиков томительно ожидал приказа. На третий день переговоров со стороны города забили гонги, взметнулись в воздух высокие шести с разноцветными вымпелами на концах. С их помощью сигнальщики могли не только передавать определенные приказы, но и переговариваться друг с другом.

– Ка-сы-па-тина Ла-нэ-го, – вытянулся во весь фронт передо мною их командир, – генерал Мао приказывает уничтожить сначала башню с левой стороны от ворот, а затем башню с правой стороны.

– Понял. Приступаю к выполнению... Огонь!

Два орудия, наведенных на башню с левой стороны от городских ворот, прогрехотали одновременно. Раскаленные снаряды со свистом унеслись вдаль. Я тут же припал к окуляру подзорной трубы. Башню разнесло в пыль.

– Огонь! – снова прозвучал мой приказ.

Плотные хлопки выстрелов, и через пару секунд на месте второй башни вздымался в воздух очередной столб пыли. «Задание выполнено, господин генерал!» – удовлетворенно пробормотал я себе под нос.

Через несколько часов меня вызвали в шатер генерала Мао. После глубокого поклона я поднял голову.

– Благодаря вам, дорогой наставник, враг решил сдаться, – торжествующая улыбка триумфатора застыла на его губах, а в глубине неподвижных, сощуренных глаз промелькнуло что-то такое, от чего я невольно вздрогнул. То было или тенью дьявола, или языком адского пламени. Чтобы не содрогнуться от пробежавшего по спине холодка, я спрятался за вымученной улыбкой.

– Чрезвычайно рад столь доброй вести, – с трудом выдавил я из себя.

– Воля, сила и удача – вот три главных слагаемых успеха на войне. У нас всё сложилось, и завтра мы войдем в поверженный город. Вы с нами, дорогой наставник, как представитель силы и удачи.

– Но на этом моя миссия заканчивается, не так ли, господин генерал?

– Верно. Однако сначала мы отпразднуем нашу победу. Уж слишком долго я ее ждал...

На следующий день с самого раннего утра забили в барабаны, загремели гонги, под гортанные команды командиров и ржание коней выстраивались боевые колонны. Огромное войско двинулось в сторону притихшего города Саньципу. Въехав за его высокие глиняные стены, мне стало не по себе. Меня смутили не золотые полумесяцы, украшающие бесчисленное множество куполов мечетей и шпилей минаретов, или вывески, выведенные арабской вязью, словно я попал в магометанскую страну, а невероятно истощавшие, едва волочащие ноги от долгого голода люди. «Как же они могли сопротивляться? Откуда черпали силы?» – подумал я про себя, вглядываясь в их изможденные лица.

Генерал Мао приказал привести всех военнопленных к площади у Южных ворот, где возвышался величественный Храм Небесного Императора со словно парящей в воздухе разноцветной крышей, под которой был установлен огромного размера медный гонг, а рядом на железной цепи висело бревно из черного дерева, по размеру не уступающее крепостному тарану. У входа в главный зал храма на широкой каменной террасе разместился генерал со своей огромной свитой. Я нашел место пониже, на ступенях храма. Возле меня пристроился офицер Ван Юлинь. Отсюда я окинул взглядом пленных повстанцев, смиренно, с опущенными головами сбившихся в гигантскую толпу.

– Почему у них связаны руки и ноги? – поинтересовался я у Ван Юлиня.

– А как иначе? – удивленно спросил он меня.

– Так они же свободные.

– Еще нет.

– Что это значит?

Ван Юлинь промолчал. Но нечто зловещее было в его молчании. Меня охватило беспокойство: «Что-то здесь явно не так. Какой спектакль ожидает меня?»

В этот момент прорвали в гигантский гонг на крыше храма. Его долгие, резонирующие звуки показались мне похожими на тревожные раскаты грома перед страшной бурей. И дурные предчувствия не обманули. С каменной террасы загремел голос глашатая. Он говорил довольно быстро, и я не всё понимал. Но многие слова были мне хорошо знакомы: предательство, злодеяния, мятежники, Сын Неба, справедливость, смертная казнь.

Едва он закончил свою речь, как на площади началось невообразимое. Под громкие команды командиров солдаты восьмизнаменной армии кинулись на безоружных пленных и, с остервенением пихая остриями своих пик, заставили их повалиться лицом на землю. Затем солдаты выволокли из лежащей кучи несколько несчастных, не оказывающих никакого сопротивления,

и оттащили их на несколько метров в сторону. Там, словно из ниоткуда, появились палачи с тяжелыми мечами в руках. В глаза попали отблески их широких лезвий, заставившие меня на мгновение зажмуриться. Открыв глаза, я увидел уже обезглавленные тела с брызжащей из перерубленных шей кровью. А солдаты тащили следующие безмолвные жертвы. От увиденного ужаса меня словно парализовало, руки бессильно повисли, я не мог стоять. На внезапно ослабевших ногах я тяжело опустился на ступени. Через пару минут палачи уже едва успевали справляться со своей омерзительной работой. Над площадью висел звук их тяжелого дыхания и хруст отсекаемых голов. Еще бьющиеся в конвульсиях тела и головы швыряли в одну огромную кучу, и она росла на глазах. Не приведи Господь увидеть кому-либо такое страшное зрелище... Но ведь генерал обещал сохранить жизнь пленным. Я помнил его слова. Он должен немедленно остановить эту бойню! Так... Где он? А... там, наверху. Он ведь клялся, дал мне слово офицера!.. Вперед!..

Несмотря на холодную от пота спину и легкое головокружение, я вскочил на ноги и понесся вверх по ступеням. Ван Юлинь бросился за мной. «Ка-сы-патина Ла-нэ-го! Вы куда?» – кричал он мне вслед.

Взлетев на террасу, я огляделся по сторонам. Кругом весело гоготали офицеры из свиты, тыча при этом пальцами в сторону казни, словно там происходила какая-то потеха. Генерал Мао восседал на высоком кресле в самом центре веселящейся толпы. Перед ним стоял низкий столик с кувшином вина и легкими закусками. На его лице сияла довольная улыбка. Увиденное просто взбесило меня. Я потерял всяческий контроль над собой. «Подлец! Подонок! Жалкая тварь!» – вскричал я по-немецки и, выхватив на ходу свой револьвер, кинулся сквозь опеших офицеров прямо к нему. Свита, видать, не ожидала ничего подобного. Мой обезумевший вид заставил их в страхе расступиться в стороны. Сам генерал, поняв, что наступил его последний миг в этой жизни, неловко вскочил на ноги, опрокинув при этом столик, и нервно-визгливо выкрикнул: «Взять его!» Но люди, открыв в изумлении рты, стояли как вкопанные. Я на секунду приостановился, чтобы лучше прицелиться. Прямо на меня глядел извивающийся на груди генерала цветной дракон. Ни о чем более не думая, я навел на него прицельную мушку и нажал на спусковой крючок... Однако тяжелая свинцовая пуля не отправила мерзавца в заслуженный им ад. В самый последний миг до моего револьвера дотянулась рука кинувшегося вслед за мной адъютанта Ван Юлиня. Вцепившись своими сильными пальцами, он повис на нем, как хорошо обученный ротвейлер. Мне удалось несколько раз нажать на спусковой крючок, но все пули со звоном и искрами отрикошетили о каменные плиты храма Небесного Императора и улетели в пустоту. И это последнее, что я запомнил перед тем, как очнуться в тесной бамбуковой клетке... Ну, вот и всё...

Лотар закончил свой рассказ и обвел присутствующих взглядом. После долгого молчания, когда каждый, должно быть, на время погрузился в свои воспоминания, тишину нарушил голос Зеленого Вихря.

– Жаль, что не прикончил эту бешеную собаку, – с досадным выдохом проговорил он. – Сколько зла еще он принесет людям.

– Всё равно молодец! – раздалось несколько одобрительных голосов.

– Так, офицер Лода. Ты свободен. Можешь взять коня Лосана, – предложил Зеленый Вихрь.

– Значит, он погиб?.. Как жаль...

– Не жалею, а завидую. Он в раю... Да, перед смертью Лосан попросил передать это тебе, – Зеленый Вихрь достал из-за широкого пояса свернутый лист бумаги.

– Что это?

– Ры-кы-гы-ны-сыровка.

– А-а-а... – Лотар двумя руками, выказывая уважение, принял свиток и, раскрыв, пробежал по нему глазами. – Это карта горной заставы. Очень подробная. И здесь даже что-то написано, – Лотар пальцем показал надпись на карте Зеленому Вихрю.

– Кам-не-пад, – негромко, по слогам прочитал последний.

– Камнепад? – в легком недоумении произнес Лотар и снова вперился в карту, подсвечивая ее тусклым огоньком восковой свечи. Через какое-то время он резко оторвался от нее, чтобы сообщить нечто важное, но в пробивавшемся сквозь щели палатки лунном свете увидел лишь притихшие, неподвижные, скованные от усталости, глубоко спящие тела.

С раннего утра к штабной палатке, битком набитой сосредоточенными командирами отрядов, стал подтягиваться встревоженный люд. Вскоре появился и ахун Ма Шинло в сопровождении Моргалы и Рябого. Их мрачные, озабоченные лица предвещали тяжелый разговор. Пробившись сквозь толпу и заняв свое место, ахун прочитал молитву и обернулся к Зеленому Вихрю.

– Брат Эбду, вчера нам всем стало ясно – Хеси не пройти. Мы все умрем здесь... – Затем медленно, прищуренным взглядом обвел собравшихся командиров. Все молчали. – Неужели действительно нет выхода? – обратился он к Зеленому Вихрю.

– Братья, – зазвучал в ответ голос Зеленого Вихря. – Рано или поздно мы все погибнем. Таков наш путь. Но если благодаря нам спасется хоть часть детей, матерей и стариков, знайте, что жизни наши отданы не даром. Будем готовиться к последней битве. Аллаху акбар!

– Аллаху акбар! – дружно прозвучало в ответ.

– Командир Эбду, не спешите умирать. Брат Лосан неспроста сделал надпись под этими скалами, – неожиданно поднялся во весь рост с картой в руках Лотар.

– Что там у тебя? – обернулся к нему Зеленый Вихрь.

– Видите, эти скалы как бы нависают высоко над заставой. Если столкнуть их с места, то они покатаются вниз и образуют страшный камнепад.

– Так вот что имел в виду Лосан, – пробормотал про себя Зеленый Вихрь, самым внимательнейшим образом всматриваясь в карту. Люди вокруг него замерли, затаив дыхание.

– А как нам сдвинуть их? Такое под силу лишь всемогущему Аллаху.

– Можно подложить под скалы бочонки с порохом и взорвать.

– Брат Хасанза, сколько пороха у тебя? – отыскав взглядом командира артиллерии, спросил Зеленый Вихрь.

– Вообще-то не больше, чем в мешочке для табака. Но даже если что-то и найдем, то как мы туда доберемся? – Вместе с ответом Хасанзы раздался вздох общего разочарования.

– Да, это не выход из положения, – согласился с ним Зеленый Вихрь.

– А мне кажется, выход есть, – громко заявил ахун. Взоры людей тут же переметнулись на него. – Неужели вы все забыли, что предлагал маньчжурский офицер? Голова чужеземца – в обмен на проход. – Он сделал короткую паузу. Командиры стали переглядываться, по палатке пронеслись негромкие, невнятные голоса.

– Мы сейчас не в такой позе, чтобы капризничать, – уже более уверенно заговорил ахун. – Зачем отвергать посох, посланный Всевышним? А знаете, кто на самом деле чужеземец? Я понял. – Ахун даже приподнялся со своего места. – Это – дар, спущенный с Небес, который мы должны принести в жерт-

ву. Он своей жизнью должен искупить грехи перед нашим народом. Видите, всё встает на свои места. Не так ли, братья?

– Конечно, ахун прав! – выкрикнул Моргала.

– Отвергнув руку Всевышнего, мы оскорбим и прогневим его, – громко добавил Рябой.

– Хм-м... Может, они и правы, а, брат Эбду? – один из батальонных командиров обернулся к Зеленому Вихрю.

– Однажды старая лиса пробралась в курятник, – раздалось от него в ответ. – И только собралась она напасть на спящих кур, как появился хозяин и – хватить ее за хвост. «Хозяин, да ты не подумай, что я на твоих кур позарилась. Очень холодно на улице. Я так замерзла, что зашла сюда просто погреться. Вот согреюсь и сразу же побегу назад в лес. Не губи меня! Я честная, слово свое всегда держу. А ты такой добрый человек». Поверил он ей. Бросил на землю, а сам спать отправился. Пришел утром в курятник, а там ни одной живой курицы. Кого не утащила, так придушила. Так вот, поверьте, – Зеленый Вихрь с легкой усмешкой окинул всех взглядом и завершил, – правитель Чжан Сяолунь хитрее сотни таких лис. А вы уподобитесь доброму, наивному простаку.

– Зная хитрость и коварство врага, надо проявлять больше осмотрительности, и тогда он не будет так страшен, – отпарировал ахун Ма Щинло. – И вообще, какого черта ты печешься за него? Кто он тебе? Брат? Сват? – словно не замечая присутствующего в палатке Лотара, громко проговорил ахун.

– Он порядочный человек. А их, как я понял, не так много на земле.

– Ха... На одной чаше весов жизнь наших братьев и сестер, а на другой всего лишь одна голова неверного. К тому же повинного в смерти тысяч наших воинов.

– Я пытаюсь отвратить вас от безумного шага.

– Брат, выйди наружу и услышь голос народа, – ахун произнес эти слова голосом победителя.

Снаружи усиливался гул сотен приближающихся к палатке людей. Стали отчетливо доноситься крики: «Обмен!.. Убить неверного!.. Отрубить голову чужеземцу!..» Зеленый Вихрь едва сдерживал рвущуюся из него ярость. Настоящий заговор против него. Да еще в такую тяжелую минуту. «Держи себя в руках!» – приказывал он себе...

* * *

1862 год. Год Черной собаки

Мать Эбду звали Су Хичжэр. В большом семейном доме правила она, не смотря на исламские законы, предписывающие главенствующую роль мужчинам. Под одной крышей обычно проживали несколько семейных поколений, и отсутствие твердой руки означало бы полный хаос. Умные мужчины понимали это и потому, отдав бразды правления в руки жен, наслаждались жизнью, а глушцы тратили ее на бесконечные, бесплодные ссоры.

Ну, и как мы знаем, каждая мать рано или поздно становится чьей-то свекровью. Придется ли сноха ко двору, вольтется ли она в жизнь семьи – в первую очередь зависит от свекрови. Как это происходит, какие ниточки сплетаются или, наоборот, не сходятся, не знает никто. Так вот, Су Хичжэр не приняла новую сноху Янлинь.

– Как ты мог жениться на такой женщине? – наполненный презрением вопрос матери прозвучал как приговор.

– Пусть поживет здесь, родит, а потом я заберу ее отсюда, – проговорил в глубоком расстройстве Эбду.

Вместе с Янлинь и ее служанкой тетушкой Ван он добирался сюда, в горную деревушку на юге провинции Ганьсу, шесть дней и ночей. И совсем не о

такой встрече мечталось ему. «Э-эх, если бы мне остаться здесь подольше, то потихоньку я сдружил бы их. Но мне край как надо мчаться назад. Что там? Может, рубятся уже всюю? А я, получается, бросил всех...»

– Янлинь, будь послушна и дождись меня, – крепко обняв ее на прощанье, он вскочил в седло и, бросив последний взгляд на хрупкую, нежную фигурку, застывшую на желтом пригорке, пустил коня вскачь...

Путь назад занял три дня и три ночи непрерывной скачки. Ранним утром он въехал в Небесные Тополя. В тот же день там ожидали прибытия личного посланника императорского советника Суна. Ровно в полдень на окраине Небесных Тополей раздался грохот военных барабанов, и под стягами знаменосцев показался паланкин с посланником по имени Чжу Сяо. Его сопровождала внушительная делегация из двадцати чиновников и сотни стражников.

Накануне посланник еще раз переговорил с губернатором провинции и генералом Мао Хунлинем.

– Их проживает у меня не менее пяти миллионов душ, и в казну приносят они львиную долю поступлений. Кто же хочет резать курицу, несущую золотые яйца, – стараясь быть нейтральным, сказал губернатор провинции Шэньси. – Мы должны избежать войны любой ценой.

– Я придерживаюсь такого же мнения, – одобительно поддержал его посланник Чжу Сяо.

– Ну, а я хоть и военный человек, но мир мне тоже ближе войны, – заверил обоих сановников генерал Мао...

И вот теперь, под взглядами тысяч любопытствующих глаз, кортеж прошел по главной деревенской улице и остановился на рыночной площади. Выбравшись из паланкина, посланник огляделся по сторонам. Огромная толпа одетых кто во что горазд людей с самым разномастным оружием в руках плотным кольцом окружила его и свиту. По спине чиновника пробежали мурашки, но он не подал вида, что чего-то страшится. В этот момент сквозь толпу пробрались ахун Ма Лихэр, Железный Кулак, кузнец Подкова, Щин Сулян, Ваншан, Муса, Эбду и несколько командиров ополченческих батальонов. Они встали перед ним, отбили вежливые поклоны.

– Я староста деревни, это ахун и командиры нашего ополчения, – почтительно произнес Железный Кулак.

– Меня зовут Чжу Сяо. Я личный посланник советника Суна. Он желает разрешить случившийся здесь конфликт исключительно мирным способом. Если нет возражений, я бы хотел обговорить с вами условия мирного соглашения.

– Возражений нет, – ответил за всех ахун, пробежав по толпе взглядом.

– А чего мы просто так стоим? – неожиданно обратился к толпе Железный Кулак. – Люди хорошие вести привезли, а после длинной дороги устали небось. Одними разговорами-то сыт не будешь. – Он кинул взгляд в сторону Ямы-Кочки, который, тут же прихватив с собой несколько помощников, двинулся организовывать угощение.

Повар Яма-Кочка вновь показал свое мастерство, быстро и вкусно накормив не только посланника Чжу Сяо и его чиновников, но и сотню крепких солдат-стражников. Сразу после трапезы перешли к делу.

– Уважаемый господин Чжу, – взял слово ахун Ма Лихэр, – ни мне, ни кому-либо из нашей общины не приходилось заключать договора подобного рода. Однако мы хотим сразу же известить и заверить вас, что на нас напали, и мы защищались. Поэтому к государственному мятежу мы не имеем никакого отношения.

– Уважаемый народ Небесных Тополей, нам прекрасно известно, что вы мирные, законопослушные подданные Поднебесной. Достопочтенный советник Сун хорошо осведомлен о произошедшем. Мирное соглашение, пред-

ложенное им, короткое и простое. Вы либо принимаете, либо отвергаете его. Я передаю при свидетелях слова советника Суна: «Вы прекращаете всяческие военные действия, возвращаетесь к мирной жизни. Все участники конфликта получают прощение. Власть обязуется строго следить за порядком и справедливо решать все проблемы. Для этого назначается специальный императорский представитель». Это всё, — он обвел доброжелательным взглядом онемевших от такого неожиданного предложения местных авторитетов и добавил: — Теперь слушаю вас.

— Братья! — первым высказался Железный Кулак. — Я — за.

— Мы тоже! — поддержали его Ваншан и Эбду.

— Машаллах! Конечно — за! Все — за! — радостно подвел итог ахун Ма Лихэр, не дожидаясь голосов других товарищей.

— А когда сюда прибудет этот самый императорский представитель? — прозвучал любопытствующий голос Ямы-Кочки.

— Императорским указом им назначен я, Чжу Сяо, — он отвесил легкий поклон в сторону повара.

— Это хорошо. К вам у меня почему-то имеется доверие, — довольно проговорил повар и на всякий случай поспешил тут же спрятаться за широкую спину кузнеца Кувалды.

— На вашей земле огнине устанавливается мир! — торжественно заявил посланник Чжу Сяо, после чего подал знак своему церемониймейстеру. Загремели барабаны, солдаты выстроились в колонну, чиновники помогли Чжу Сяо занять место в паланкине, и кортеж под ликующие крики тысяч повстанцев медленно двинулся обратно в Сиань. Когда растянувшаяся колонна исчезла за изгибом реки, Железный Кулак обернулся к Ваншану и Эбду.

— Мы спасены!.. Есть же на свете справедливые люди, — проговорил он с просветлевшим лицом, приобняв их за плечи.

— Всевышний не оставит нас в беде. Аллаху акбар! — громко добавил ахун. — А ты чего такой задумчивый? — повернулся он к Эбду. — Не рад, что ли?

— Очень рад. Но что-то беспокойно на душе, — выдохнул Эбду.

— Почему? — тревожно в один голос спросили отец и ахун.

— Знаете, всё это похоже на чудо. А я в чудеса стал меньше верить. Поеду-ка с ребятами, прослежу, как они до Сианя доберутся.

— Ну, если делать больше нечего, то давай, — с нескрываемым удивлением напутствовал его ахун. «Что может случиться? — подумал он про себя. — Да нет, это просто ему размяться захотелось».

Повстанцы, прибывшие из дальних уездов, решили провести последнюю ночь в Небесных Тополях и с наступлением рассвета двинуться по домам с радостной вестью о мире. Когда окончательно потух закат, над Небесными Тополями понеслись протяжные слова азана — время ночного намаза. После его совершения в деревне стало стихать, и к полуночи она погрузилась в глубокую тишину.

Железный Кулак долго стоял у открытых ворот дома, всматриваясь и вслушиваясь в черную даль. Затем медленно двинулся в дом, осторожно обходя крепко спящих в его дворе повстанцев. Едва за ним закрылась дверь, как ему почудился чуть слышимый топот конских копыт. Он тут же вышел назад к воротам. Ошибки быть не могло. Топот усиливался и приближался. Затем донеслись голоса часовых, стоящих на подступах к деревне, и снова конская дробь. Он понял, что это Эбду с товарищами. От внезапной тревоги по его спине пробежали мурашки, и он невольно сжал холодную рукоять меча.

Через короткое время спрыгнувший с коня Эбду крепко обнял отца за плечи и прошептал: «Мира не будет... Чжу Сяо и его люди убиты».